

Александр Александрович Бушков
Танец Бешеной

Серия «Шантарский цикл»

Серия «Бешеная», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162590
Танец Бешеной: Олма Медиа Групп; Москва; 2010
ISBN 978-5-373-02756-4

Аннотация

Вторая книга трилогии-бестселлера Александра Бушкова о капитане милиции Дарье Шевчук. Объявляется белый танец специально для бестии по прозвищу Рыжая. Дама приглашает кавалеров. Кто не спрятался – она не виновата, потому что этот танец – танец Бешеной.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	28
Глава четвертая	37
Глава пятая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Бушков

Танец Бешеной

Исключительное право публикации книги Александра Бушкова Танец Бешеной принадлежит ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». Выпуск произведения без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

© Бушков А., 1997

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», издание, 2010

* * *

Действующие лица романа вымышлены. Всякое сходство их с реально существующими людьми – не более чем случайное совпадение.
Александр Бушков

Глава первая

Утро после казни

– Больно? – сочувственно спросил Воловиков.

Даша отмахнулась:

– Да царапина. Не столько больно, сколько противно... – и грустно ухмыльнулась: – Вот и я сподобилась...

Отхлебнула крепкого чайку. В голове еще шумело, было муторно и слегка поташнивало. Врач сказал – траванули эфиром, но дозу, к счастью для Даши, отмерили божескую, и она очнулась около семи утра, в обрывках ночнушки, с гудящей головой, уже без наручников и с подсохшей кровью, подтекшей на бок и на простыни. Если не считать пореза на животе, ни женская честь, ни тело урона не понесли – губа, правда, оказалась разбита и теперь запухла. Шатаясь и борясь с желанием блевануть прямо на пол, добралась до телефона и вызвала кого следует, попутно убедившись, что пушку не уволокли. Группа примчалась через четверть часа, а вскоре объявился и озабоченный шеф, непосредственный Дашин начальник подполковник Воловиков. Дражайший папаша, майор Шевчук, частный детектив и непроходимый бабник, сытым котом заявившийся к родимым пенатам, обнаружил дома классическую, несуетливую возню экспертов и тут же подвергся впервые в жизни нехитрой процедуре снятия отпечатков пальцев.

Сейчас он сидел здесь же, на кухне, в уголке, с видом озабоченным и пристыженным. В который раз поинтересовался:

– Дашенька, как ты?

– Как штык, – не выдержав в конце концов, огрызнулась она. – Не болтался бы всю ночь с бесом под ребром, я бы дверь обязательно на цепочку заложила...

– Вообще-то, ребята серьезные, могли такое предусмотреть и прихватить инструмент для цепочки... – примирительно сказал Воловиков.

– Ну вот, пошла пресловутая мужская солидарность, – проворчала Даша.

На душе у нее было не так уж и паршиво – просто вдруг подвернулась прекрасная возможность безнаказанно и вдосыт побрюзжать в присутствии шефа. Грех таким случаем не воспользоваться.

Порез на животе, выполненный двумя росчерками *нера* крест-накрест, не болел, так – саднил немного, но эмоции вызывал мерзопакостнейшие.

Коллега-сыскарь Толя, примчавшийся вместе с группой, налил себе чаю и устался на Дашу сочувственно, да что там – жалеючи. Повернувшись к шефу спиной, Даша показала верному адъютанту язык, осторожно потрогала живот под свитером. Почти не болело.

Вошел сумрачный эксперт в штатском, подал подполковнику листок бумаги. Тот столь же сумрачно пробежал взглядом, кивнул:

– Можете ехать, – и многозначительно устался на майора, слегка пожав плечами.

Майор понятливо кивнул и на цыпочках улетучился из кухни, избегая встречаться взглядом с любимой дочкой.

– Вот такие пироги, – сказал Воловиков, тщательно закрыв кухонную дверь. – Отпечатки повсюду только твои и отцовы.

– И на диване нет?

– Нету. То ли они были в перчатках...

– Да нет, один хватал меня за плечо, я бы перчатку почувствовала. Рука у него была голая. Что же, приснились они мне? И перевернутый крест на пузе я сама себе нацарапала?

– Ну-ну, не кипятись, – сказал Воловиков. – Никто и не говорит, что привиделось. Замок отпирали отмычкой – хоть и не примитивной железкой, но все равно не родной, и микро-следы остались. И на диванном поручне свежие царапинки от наручников.

– Так что же, они в темноте ухитрились с идеальной точностью все отпечатки стереть?

– Почему в темноте? Когда ты вырубилась, могли включить свет и преспокойно пройти тряпкой по всем местам, где касались. Могли и диван вместе с тобой на улицу вынести, у них было часа три... Даша, я к тебе приставлю ребят, но с цепочкой на дверь и в самом деле надо что-то решать. Договорись с батей, и замок быстренько смени. Я поговорю с Михалычем, у него где-то завалялся финский... Давай-ка еще разок пройдемся с самого начала. Когда они пришли?

– Не знаю. Темно было, снаружи ни звука. Я проснулась оттого, что явственно почувствовала: кто-то есть. А они, дьяволопоклонники фиговы, совершенно бесшумно двигались... Рванулась за стволом – тут они и навалились, все трое. Браслетики нацепили и допрос учинили. Молот ведьм, козляры...

– Вот отсюда подробнее. О чем конкретно спрашивали, кто спрашивал, а кто помалкивал, вообще – как вели себя.

– Я бы эту троицу так назвала: Сатанист, Краснобай и Орангутанг, – медленно сказала Даша. – Краснобай сатанизма не касался ни единым словечком, и вычурная манера разговора у него, мне кажется, не наигранная, бывают любители этак кудряво выражаться, сейчас все книг про аристократов начитались. Как обладательница женского нюха могу сказать, что пахли они нормально – опрятные, следящие за собой мужики, ни перекишшего пота, ни перегара. Орангутанг, тем не менее, – типичная горилла, охранник из низкосортных. И никто из них мне не показался шизанутым. То есть сатанисты-то они, конечно, сатанисты, но не из рядовых, не упертые. Эти не заговаривались, на словоблудие не ловились и в теоретические споры не втягивались, хоть я и пыталась завлечь. Партии свои разыгрывали уверенно и четко.

– Партии?

– Ага, – сказала Даша. – Сыгранная была троечка, и роли заранее расписаны. Теоретик-сатанист, напарник с манерами аристократа и хамло-пехотинец.

– Я тебя правильно понял? Полагаешь, спектакль?

– Полагаю, – Даша поставила чашку с недопитым чаем на стол и потянулась за сигаретами. Пальцы все еще отчетливо дрожали. Она криво усмехнулась. – Черт, а ведь я чуть не купилась. Так они спокойненько расписывали, что сейчас меня запытают до смерти, что не поверить было трудно... Клоуны доморощенные. А они, оказывается, просто попугать решили. Крест на пузе, эфиром в морду – чтоб, значит, не в свое дело не лезла... Что написано «пером»...

Перевернутый крест, нацарапанный незванным ночным гостем на ее животе ножом, ото-звался неприятным зудом.

...А началась вся эта история с трупа несовершеннолетней Риты Шохиной, обнаруженного за гаражами в одном из районов Шантарска. Точнее, началась она несколько раньше – с трупа несовершеннолетней же Анжелы Артемьевой, погибшей при подозрительно сходных обстоятельствах. Причем связь между убийствами была настолько явной и вопиющей, что сомнения не возникло ни у кого: это *серия*. Потому со старшего оперуполномоченного угрозыска капитана Дарьи Шевчук были в приказном порядке сняты все текущие дела, а ей самой предписывалось вплотную заняться бесчинствующим маньяком.

Связь между убийствами и впрямь была прочная, как трос.

Обе убиты страшным ударом по шее, повлекшим за собой перелом шейных позвонков – увечье, как это принято называть, «несовместимое с жизнью», после чего обеих, уже мертвых, неизвестный ударил ножом. Обе носили в сумочке газовый пистолет, обе, что выяс-

нилось значительно позже, трудились в элитном эскорте... и обоим убийца вырезал на лбу перевернутый крест – являющийся, как известно, одним из символов сатанизма.

На счастье Даши, очень скоро отыскался и свидетель, некая Казмина Е. Г., выгуливавшая в предрассветный час собачку и видевшая Риту Шохину в компании весьма подозрительного господина при шраме на морде лица, который втирал девочке что-то про «Сатану», «измену» и «кровь». Это также говорило в пользу версии об убийстве на религиозной почве. (Хотя, ради полноты картины, стоит упомянуть, что был и еще один свидетель, чьи показания несколько расходились с показаниями Казминой, – Веласкес Тихомиров, большой почитатель Бахуса и художник в свободное от потребления алкоголя время. Но его свидетельства на ход расследования не повлияли, тем более что он очень некстати погиб в пьяной драчке.)

А чуть позже произошло и третье убийство. На этот раз была убита Ольга Ольминская, телеведущая со студии «Алмаз-ТВ», нынешняя возлюбленная г-на Житенева Вениамина Степановича, видеоинженера с той же студии и, что характерно, тайного дьяволопоклонника. С помощью племянника отца убиенной Риточки Шохиной Даша вышла на очередную свидетельницу, которая также видела подозрительного гражданина со шрамом и слышала его разговор с Ольминской о Сатане, измене и крови...

А вот дальше начались полные непонятки.

Выяснилось, что в пудренице Риты спрятан микромагнитофон (предположительно – для шантажа Ритиных клиентов)...

Выяснилось, что у Степана Ильича Шохина нет и не было племянника...

Выяснилось, что свидетельница разговора Ольминской и неизвестного, Анжелика Измествева, – «работает» в том же элитном эскорте и в ее показаниях зияют прорехи величиной с кулак...

Выяснилось, что владелец и духовный наставник означенного эскорта – дипломированный психолог Эдуард Петрович Усачев – после душевной беседы с Дашей тронулся умом и загремел в психушку...

Выяснилось, что вокруг студии «Алмаз-ТВ» идет загадочная возня, связанная с пиратскими видеокассетами – в частности, на майдане перед «Домом грампластинок» были в мелкую капусту расстреляны московские представители, приехавшие на мирную разборку по поводу незаконной покупки телесериала...

А тут нарисовался и человек со шрамом – некто Паленый, опять же, что характерно, дьяволопоклонник.

Не сказать, чтоб очень сложно, но Дарье удалось проникнуть в организацию местных сатанистов под видом новенькой. И в первый же вечер ей посчастливилось быть представленной самому пахану, начальнику, гуру – или, как величают его подчиненные, – Мастеру. Познакомиться – но лица так и не увидеть, поскольку тот был в маске. Впрочем, и без этого все сводилось к тому, что руководителем шайки является не кто иной, как г-н Житенев В. С.

Выражаясь казенным языком, в ходе проведенной спецоперации деятельность устойчивой преступной группы сатанистов была пресечена, а ее представители отправлены, выражаясь языком менее казенным, в кутузку, включая и затесавшегося среди них представителя ФРГ, магистра и бакалавра фон Бреве, ба-альшого спеца по дьяволопоклонничеству.

Но не бывает бочки меда без ложки сами знаете чего: при задержании группы был убит подозреваемый в серийных убийствах некто Паленый, а Мастер (он же г-н Житенев) исчез бесследно...

Впрочем, ненадолго. Вскорости Житенев был обнаружен. В собственной квартире. Точнее, обнаружено было его тело. Мастер лежал на ковре, посреди комнаты, с огнестрельной раной головы, практически однозначно указывающей на самоубийство, а в его обиталище отыскалось такое количество улик, что любые сомнения по поводу личности Мастера отпали.

А еще немного времени спустя в гости к Даше Шевчук пожаловали трое в капюшонах и без экивоков объявили о том, что она приговорена к смерти. Но прежде она должна сообщить имя того, кто донес, что именно Житенев является Мастером, и тогда она умрет *быстро*...

...– Вариантов у нас два, – продолжала Даша, прикуривая. – Первый: разгромленные остатки шизанутых «чертовых кукол» заявили вычислить предателя и заодно помучить немножко меня. Второй: кто-то несколько примитивно и крайне навязчиво пытался меня убедить, что следствие движется в единственно верном направлении, и Мастер – это покойный Житенев, никакой ошибки. Но эта дурная оперетка пахнет перебором. Концы не вяжутся и узелок соскальзывает...

– Основания?

– По-моему, сатанистов мы изучили неплохо и вытащили за ушко на солнышко почти всех, – сказала Даша. – В подавляющем своем большинстве это интеллигентская шушера, спецподготовки не проходившая и не наученная столь бесшумно и дерзко проникать в квартиры. А в этот ночной налет работали неслабые профессионалы. По крайней мере один из них умеет бесшумно и квалифицированно вскрывать замки, и все трое перемещаются, как призраки. Я не говорю, что это какие-то бывшие спецназовцы, – просто люди ловкие, тренированные, хладнокровные. И в сатанизме совершенно случайные гости.

– Откуда такая уверенность?

– То ли они слабо подкованы, то ли меня держали за дурочку, – усмехнулась Даша. – Одно из них называли брат Уриил...

– Ну и что?

– У меня там стоит Библейская энциклопедия, папочка-майор как-то купил... Уриил – это ангел, посланец Божий. А среди демонов есть *Уриэль*... Сомнительно, чтобы настоящий сатанист не разбирался в таких тонкостях. Поскольку так уж выпало счастье, что я совмещаю в одном лице потерпевшую и опера, уверенности в том, что это был спектакль, у меня хоть отбавляй. Не бравады, подчеркиваю, – уверенности. Успела все обдумать и прокатать. И совершенно не представляю, что могло их вдруг спугнуть. Уриил сказал, что дескать, Ворон каркнул и пора удочки мотать. Зачем? В «сигнализацию» они не поверили ни капельки, ни машины за окном, ни шагов я не слышала. Такие нахальные и хваткие ребята – и внезапно испугались собственной тени. А стоит только предположить, что это был откровенный спектакль, имевший целью мне внушить, что Мастер мертв – все идеально подгоняется...

– Может, и девочек резал не усопший Паленый?

– У меня для опровержения версии «убийца – Паленый» нет ни единого фактика, – сказала Даша.

– Ого! «Нет фактов для опровержения»? Многозначительный нюанс, Дарья... Я тебя знаю. Раз завила, значит, в том, что убивал Паленый, до сих пор сомневаешься. Так ты уж изложи, будь другом... У тебя как дело обстоит – одна голая интуиция или проработанная альтернативная гипотеза?

– Думаю, нечто среднее, – сказала Даша. – Так тоже случается, правда? Если поискать главный аргумент... главный... то, возможно, дискомфорт души у меня оттого, что дело протекало *чересчур* гладко. И виновных, и свидетелей, и улики получили чуть ли не на блюде. И оба злодея очень кстати переселились на тот свет, любезно позаботившись, чтобы мы ознакомились с доказательствами. Гладенько-то как...

– Слушай, здесь, как в том анекдоте – «все зависит от интонации...» Можно и с такой интонацией все обрисовать – насмешливо, язвительные словечки подбирая... А можно и сказать, что все протекало самым обычным порядком. Что, впервые такое случается? Примеров мало?

– Да нет, хватает...

– Ну тогда пройдем подробно по всем сомнениям и темным местам, – сказал Воловиков. – Весьма даже непринужденно – мы сейчас вроде как и не на службе, сидят себе частные лица и попивают чаек, обсуждают отвлеченные материи, вчерашний детектив по ящику. Тебе после таких невзгод полагается хотя бы коротенький больничный, я с доктором поговорил, он на пару дней выпишет... Так что обстановка у нас насквозь неформальная, тебя ругать и осаживать как бы и не могу, а ты можешь фантазировать вовсе уж неумно. Ну, а Толик будет со стороны следить, чтобы мы не заигрались и не увлеклись до полного отрыва от реальности. С чего начнем? С убийств, поскольку с них все и началось? У тебя есть основания сомневаться, что девочек резал Паленый? *Серьезные* основания? Алиби у него никакого, тесак был при нем, есть две свидетельницы... Что против?

– Разве что показания художника. Но у него уже не спросишь...

– Вот именно. Замечу – художника пропитого и ненадежного. Находившегося в старых контрах с Казминой. Ему могло и померещиться с пьяных-то глаз. Если мы его исключим из общей картины, логические прорехи будут?

– Нет, пожалуй, – честно признала Даша. – Его как раз и исключили, кстати...

– В *очередной* драчке. А драчка случилась в том самом месте, где он не раз устраивал потасовки. Пойдем дальше. Значит, тебе устроили спектакль, чтобы создать впечатление, что Мастер прочно мертв... А ты не веришь, что он мертв?

– Не верю, признаться.

– И тот, кто признался, что Мастер – это Житенев, врет, а?

– Не думаю. Очень не похоже, чтобы он врал...

– Пожидаев не врет, но Мастер все равно жив... Нестыковка.

– Не знаю как и объяснить... – пожала плечами Даша. – Женщина меня, уж простите, поняла бы лучше, но все равно попытаюсь объяснить... Я перед ним, чтоб ему пусто было, голая стояла. И на коленках у него сидела. Я, знаете ли, баба нормальная, удовлетворенная, не из тех истеричек оголодавших, что от *любого* мужского прикосновения тащатся. Могу быстренько прокачать, чего партнер стоит... Так вот, когда он меня качал на коленках, я в нем мужика чувствовала. Настоящего. Если хотите, зверя. Характер и личность. Такое не сыграешь, бабы на эти вещи чуткие... А Веня Житенев по всем отзывам, даже нашего коронного свидетеля Пожидаева, – слякоть без твердого стержня. Пропитая медуза. Вы его тоже видели, сомневаться в такой характеристике будете?

– Да нет...

– Вот видите. Веня был – расслабленный алкашок. Это не он мне в той квартире экзамен устраивал. Нет у меня ничего, кроме женского чутья, но оно, знаете ли, иногда бывает получше суровых фактов.

Воловиков почесал лысину:

– Ты хоть представляешь, как это будет выглядеть в солидном кабинете? Капитан Шевчук категорически отвергает кандидатуру Житенева, потому что убеждена: так, как ее гладил по попке тип в маске, Житенев гладить никак не мог... Я твоим же оружием пользуюсь, иронию накачиваю. Как любой, кто все это выслушает...

– Нам нужно мнение высоких кабинетов, или мы опера?

– Ну, ежели опера... На том сборище на даче, где Паленого грохнули, Мастер был без перчаток?

– Без, – сказала Даша.

– А когда тебя выволокли во двор?

– Без.

– Как думаешь, когда начался захват, было у него время натягивать перчатки, чтобы не заляпать маску своими пальчиками?

– Вряд ли.

– А как по-твоему, смог бы он быстренько стереть свои пальчики, оставив только житеневские?

– Чушь.

– Ну вот, Дарья...

– Я не говорю, что наш свидетель Пожидаев врет. Мастеров могло быть два. Один – козел отпущения, мастер по дурацким обрядам, а второй настоящий, для серьезных дел.

– И в квартире, и на даче был один и тот же Мастер?

– Тот, уж это точно, – сказала Даша.

– Как же нам тогда быть с житеневскими пальчиками на маске с дачи? И с житеневскими пальчиками на той хате? Там ведь Мастер тоже был без перчаток?

– Без.

– Как же, у него такие тоненькие резиновые перчатки с житеневскими отпечатками, как у Фантомаса?

– Да нет, я бы кожей почувствовала... – уныло сказала Даша.

– Сама видишь, не вытанцовывается у тебя... Я в женское чутье верю, но ты не забывай, что алкаш в запое и алкаш в трезвом периоде иногда разные, как небо и земля.

– А про Шохина не забыли? – спросила Даша. – Про самозванного. Без серьезной причины так не рискуют. И не запасаются весьма убедительно сляпанным паспортом и прочими бумагами. В охране его бумаги проверили тщательно, ключи у него были практически такие же по виду. Чтобы внушить мне, что он настоящий Шохин, племянник, он у вневедомственников засветился, в квартиру полез – хотя хозяева в любой момент нарисоваться могли. Он нас навел на Анжелику...

– И что? – прищурился Воловиков. – Дарья, а что мы, собственно, поимели полезного оттого, что нас навели на Анжелику? Узнали, что она – шлюшка из усачевского шалмана. И только. Ценность информации равна нулю. Ладно, шлюшка. Но ее показаний по убийству Ольминской сей прискорбный факт никак не опроверг. Ничуть не опровергает, ты сама говорила...

– Может быть, мы пока просто не понимаем, что поимели, не видим... Шохин-то был, и никуда от этого не деться. И кассет с фривольными играми у Житенева мы не нашли. И версию шантажа как следует не раскрывали.

– Потому что оснований нет, – сказал Воловиков. – У нас есть жалоба шантажируемого или хотя бы данные, что шантаж и впрямь готовится? Нету... Шантаж – пока гипотеза. И не более того. Пофантазировать, конечно, можно. Этот, как его, ну, из сатанистов, который видео баловался...

– Кравченко.

– Кравченко сваливает на Житенева собственные видеосъемки, кто-то еще сваливает на Житенева роль Мастера... но против Кравченко нет улик, а в момент смерти Житенева он, как и многие, сидел под замком. Или эти самые загадочные «они» все заранее спланировали? Не слишком ли? Им очень многое пришлось бы предугадать – что на даче Паленого шлепнут, что Житенев... А если бы Паленый остался жив, а Житенев неожиданно убрался кушать водочку на неизвестную малину? Все моментально рассыпается. Нет, суровые профессионалы таких накладок не допускают и на авось не полагаются. Предположим лихой поворот сюжета: Житенева хлопнул кто-то подвергшийся шантажу, человек серьезный. Но серьезный человек прежде тщательно исследовал бы операционное поле, и Кравченко, у которого валялись еще две кассеты, никак не обошел бы вниманием. А самое главное: какое отношение имеет этот пресловутый, недоказанный шантаж к убийству трех девочек? На той микрокассетке, кстати, ничего интересного не было. Прослушали ее вчера, уже поздно вечером, отыскивали наконец аппаратуру. Допустим, что Усачев, хозяин эскорт-борделя, через своих шлюшек крутил шантаж. И девок резали, чтобы убрать свидетелей. Но почему тогда

убили Ольминскую, с Усачевым никак не контактивавшую? По ошибке? С Анжеликой перепутали? Безупречно провели две ликвидации, подготовили идеального козла отпущения, и вдруг спутали известную всему городу блондинку двадцати трех лет с шестнадцатилетней брюнеткой? Сатанисты с усачевцами никак не пересекаются, ничего мы не нашли... Я согласен, на периферии «сатанистского» дела могут существовать свои ответвления и подтексты, побочные загадки и побочные гнусности вроде шантажа – слишком много людей замешано, с самыми разными интересами. Но ведь тебе самой прекрасно известно, что в таких мелочах – да, мелочах! – увязнуть чертовски просто. И опасно. Увязнешь – собьешься с главного направления. Мы в данный момент не оберегаем от шантажа отцов беспутных доченек и не разгоняем дорогие бордельчики.

Мы – уголовка. Мы искали убийцу-маньяка. И отыскивали. Новых убийств не последовало, оружие убийства у нас, вещественные доказательства у нас, убийца с вероятностью в девяносто девять процентов изобличен. Один процент я оставляю в резерве из осторожности, исключительно оттого, что Васильков мертв. Вот тебе итоги. А в остальном пусть разбирается прокуратура. У нас своих дел выше крыши, и тешить любопытство некогда. Не скрою, цинично, но такова уж жизнь и работа. Мы, конечно, будем искать и мнимого Шохина, и тех, кто убил Паленого, и тех, кто так нагло завалился к тебе в гости...

– Если найдем, – печально усмехнулась Даша. – Вы же прекрасно понимаете – без дополнительной информации нам моих гостей не найти. Против которых к тому же нет улик – даже если я узнаю голоса, это ничего не даст. А против лже-Шохина вообще невозможно выдвинуть четкие обвинения. В квартире он ничего не украл, никого и пальцем не тронул, паспорта уже наверняка не существует в природе, дежурным во вневедомственной охране фальшивый паспорт просто привиделся – так адвокат заявит...

– Вот видишь – ни шансов, ни улик. Есть ли тогда смысл ломать голову над неувязками?

– Да, вы правы, – сказала Даша. – Вы кругом правы, а у меня повышенная впечатлительность на почве последних переживаний, мания подозрительности развилась... И я не иронизирую почти, честное офицерское. Все, наверное, так и обстоит – интуиция пошла вразнос... Но у меня занозой в заднице сидит твердое убеждение, что мы увидели *кусочек*. Этаким краешек сцены, где пляшут яркие маски. А главные события происходят за кулисами. Или, вообще, за три квартала от театра, где шмыгают неприметные люди в неприметной одежде. Назовите это хоть чутьем, хоть антинаучной телепатией, а я от этой занозы никак избавиться не могу...

– А давай попробуем вытащить?

– Ну...

– Если телепатия тебя не подвела и ты правильно медитируешь, существует мрачный, громадный, разветвленный и изощренный заговор, направленный на достижение некоей неизвестной нам цели. Девоч убивал не маньяк – они оказались посвящены в жуткие тайны. Или... – Воловиков лихо махнул рукой. – Мечтать – так мечтать! Я детективы тоже на досуге читаю... Истинной жертвой была только одна, а две другие – отвлекалки.

– Между прочим, и в жизни случалось...

– Дарья, не мешай полету творческой фантазии! Я как раз шибко раздухарился, мы ж не на службе... Итак, есть жуткий заговор, глобальная уголовщина – политику не впутываем, мы сыскари, не наше это дело... Все схвачено, все пронизано метастазами, все свидетели куплены, запуганы, либо сообщники. Все врут. Казмина врёт, Марзуков врёт, Пожидаев врёт, и Кравченко, и шлюшка Анжелика, которая Ольминскую с Паленым видела, и Усачев, отец-настоятель борделя, врал, пока не тронулся, и Житенев, пока был жив, тоже врал. Все не так. Усачева спровадили в психушку, художника злодейски подловили, вовсе уж неведомыми путями моментально узнав о нашем с ним разговоре, девочек убивал не Паленый, Мастер – вовсе не Веня, и Житенев не покончил с собой, боясь разоблачения, а его убили. И так

далее, и тому подобное. Но не называется ли это – тупо переть против фактов? И объясни ты мне, ради чего затеян этот жуткий заговор, заставивший врать и лицедействовать такую массу столь несхожих по всем показателям людей? Ради какой великой сверхзадачи бьется, как папа Карло, эта загадочная сеть заговорщиков, ухитрившихся не попасть в наше поле зрения? Хоть наметки у тебя есть? Цель должна быть суперсерьезной... Есть наметки?

– Увы... – пожала плечами Даша.

– Дашенька, а тебе не кажется, что ты с этим заговором чуточку смешно выглядишь? – мягчайшим тоном спросил Воловиков.

– Кажется, – уставясь в пол, сказала Даша.

– Ну вот... Многих сыскарей хоть однажды в жизни заносит на грандиозный заговор... Только нужны факты. А фактов, как назло, нет, из чего мы, профессионалы, должны сделать печальный вывод... Сережа тоже высказывается насчет происков интриг, но едва речь пойдет о конкретике, начинает буравить взглядом половицы, как ты сейчас. Не вижу я той самой сверхзадачи, а без нее любые рассуждения о заговоре насквозь бессмысленны. Прикрытие для шантажа? Убого, ребята, ох как убого. Потому что шантаж – мелковат. И предполагаемые объекты для шантажа – мелковаты. И загадочные заговорщики, если как следует подумать, в твоём изображении предстают то крутыми профессионалами, то разинями и растяпами.

– А если их в такое положение поставила жизнь? – спросила Даша, подняв голову. – Предположим, что некая серьезная операция по неясным причинам пошла вразнос. Такое случается иногда даже с продуманнейшими операциями: непредвиденные накладки, независящие от опыта и профессионализма организаторов помехи и промахи. Что-то приходится переигрывать на ходу, что-то срочно исправлять. Для профессионала самое опасное – импровизация наспех.

– Какая операция? – ласково спросил Воловиков. – Какие профессионалы? Какие промахи? Что пошло наперекос? Вот представь себя даже не на моем месте – в кресле Трофимова. Все у тебя в руках – машины, люди, спецназы и НТО... На что ты нацелишь легион вымуштрованных подчиненных, какие задачи поставишь и по какому следупустишь? Молчишь?

– Я же от вас ничего не требую, – почти жалобно сказала Даша. – Просто сидит у меня эта клятая заноза в подсознании...

– Выдерни, Дашенька...

Когда Воловиков упомянул Марзукова, владельца «Алмаз-ТВ» и зятя представителя президента господина Москальца, она вдруг вспомнила еще одно непонятное звено в загадочной цепочке – москвича, застреленного в больнице, с гордой кликухой «тыща». Он же приезжал специально к Марзукову...

– По убийству в «тыще» результаты есть? – спросила она.

– Нету.

– А столица?

– Молчит столица. Ей не до нас. У нее там свои половецкие пляски. Тебе, надеюсь, с «Алмазом» все ясно? Или они тоже в заговоре состоят?

– В хреновой финансовой ситуации они состоят разве что, – вздохнула Даша. – Я специально переболтала с налоговой и с ОБЭП. Прибыль почти на нуле, кредит возвращать срок подходит, а денег у них нет. Если тесть Марзукову не поспособствует, за долги новую аппаратуру отдавать придется.

– Кредит они в каком банке брали?

– В «Кедр-гарант», – сказала Даша. – Нашу свидетельницу Казмину с ее «Шантарским кредитом» никак не пришьешь...

– А ты, значит, пыталась?

– Просто хотела найти хоть какие-то связи...

– Ага, и в преддверии банкротства студия решила подработать шантажом... – понимающе кивнул Воловиков. – На безрыбье нам ничего другого придумать не остается. Кстати, у них пересечения с «Бульварным листком» и с сатанистами есть?

– Скорее, наоборот, что касается «Листка», – сказала Даша. – Я проверила. Не любят они друг друга. Марзуков себя считает интеллектуальной элитой, а «Листок», несмотря на название, бульварным органом себя признавать никак не хочет, отсюда и контры. А пересечение с сатанистами шло разве что через Житенева. И Ольминская в последнее время что-то увлеклась сатанизмом. Ну, на Житенева «алмазовцам» было наплевать, а вот новые увлечения Ольминской им могли и не прийтись по вкусу. Ольминская как-никак была витриной фирмочки.

– Вот и проверь для очистки совести, где каждый из «алмазовцев» был в ту ночь, когда пристукнули Паленого. Чем не версия?

– А это мысль, – сказала Даша серьезно.

– Дарья, я ж шучу...

– А стоит ли? Это, знаете ли, версия. Чернокнижные увлечения Ольминской грозили испортить имидж фирмы и создать непредсказуемую ситуацию. Помните, сколько потеряло акционерное общество «Крокус», когда их зам по сбыту – красавица, спортсменка, умница – ушла вдруг в кришнаиты? И как из этого едва не вылупилась разборка с поджогом? Можно, я ненавязчиво проверю ихние алиби? Завтра, скажем?

– Ох... – сказал Воловиков. – Счастье твое, что ты раненая. И зверски питанная сатанистами. И на больничном. Ну сходи, проверь. Для порядка. Пока на больничном – тогда я, если отмазывать потом придется, смогу, не моргнув глазом, Дронова, командира нашего бессменного, уверять, будто ты фигней маялась оттого, что докторские уколы еще не выветрились, и в голове ку-ку замкнуло... Поищи у них снайпера, который смог залепить Паленому с сорока метров из отечественного ружья одну-единственную пулю аккуратно посередине лба... В общем, Дарья, я твоим пережитым мукам сочувствую, но горячку не пори, чтоб Москалец не развонялся. Если кто и мог стукнуть таким макарон Паленого, мстя за Олечку, так это ребята, которые любят собрататься-покушать в «Шантарских пельменях». А если они на такое пошли, значит, доказательства вины именно Паленого раскопали убедительные, что твою версию о заговоре рушит. Да, кстати. Ты эти дни по городу без сопровождения не шлейся. Это тебе, голубушка, прямой приказ. Тебе вот стукнуло в голову, что эта ночная троица с тобой разыграла спектакль, а мне так не кажется. «Хвост», за тобой поставленный в целях бережения, демаскировать не будем, и если понадобится куда-то съездить, вызывай Федора, он пока за твоей группой числится. Звони ему и строго с ним езжай. Вообще, позванивай, вроде на днях обещали наконец зарплату выдать. – Он похлопал Дашу по коленке и встал. – Посиди, поболей, а майору я сейчас сам холку намылю за ночные шатания. И замок пришлю.

– А еще одну просьбу болящей выполните?

Воловиков настороженно обернулся в дверях:

– Это какую?

– Мне бы узнать, не убивали ли за последние несколько месяцев еще кого-то из «Алмаза»...

Шеф поморщился:

– Дарья, я ж тебе не Дед Мороз...

– Это ж для вас пустяк. Распорядитесь, часа два пороются в сводках...

– Ну ладно, ладно, – сказал он досадливо. – Позвонишь потом, авось, успокоишься...

И не играй ты в «Алмазе» на нервах, Христом Богом прошу.

Он вышел и тихонько заговорил в гостиную с майором. Толя заботливо спросил:

– Ты как, правда, ничего?

– Зубы не заговаривай, – сказала Даша. – По Казминой накопал что-нибудь?

– Ничего интересного. Присутствия криминальных капиталов в «Шантарском кредите» не установлено, к последним скандалам с пирамидами вроде «Соверена» отношения не имеют. Сейчас, на днях буквально, должны получить лицензию на работу в Западной Европе, а зарубежники таких бумажек без скрупулезной проверки не выдают. Сама Казмина никаким компроматом не блещет. В женской голубизне не замечена, у нее для сердечных утех есть приличный партнер, этакий седовласый вдовец из мира бизнеса, вроде бы собираются расписаться.

– Грустно, – сказала Даша. – Может, тут политика?

– Тогда нам тем более не стоит напрягать нервные клетки. Своих забот мало? Пусть все эти внешние разведки и прочие фапси-мапси хлебушко отрабатывают...

– И никого, значит, из приданных от нас еще не открепили?

– Нет, пока не зачистим шероховатости. Только зачищать-то придется со дня на день. Выйдешь с больничного – все оформим и сдадим Чегодаеву. Итоги у нас получатся не бог весть какие эффектные. Двое пойдут за совращение малолетних, один – за хранение наркоты. Фарафонтова из-под суда выводим, будет пахать дятлом. И меня такой улов ничуть не огорчает – потому что от нас ничего эффектного и не требуют. Спустят на тормозах. Пожидаева ты ведь сама решила помиловать? Шеф хочет его с Кравченко тоже обязать сотрудничеством. А насчет дачных развлечений... Решено считать, что обстрелян был из ночной темноты *пьяный пикничок*. Сечешь? Лесбо-сатанистка Хрумкина со своими интеллигентами все старые связи подключила. Ватагин ворчит, но переть на рожон не хочет. В нынешней предвыборной возне не хочет кое-кто давать лишний козырь против заслуженных демократов со стажем. А мне, откровенно говоря, все равно. Шеф прав, возни меньше. А еще, Даш, он прав в том, что у Вени Житенева были все основания пускать пулю в башку. Останься он в живых, пошел бы паровозиком по трем, как минимум, делам – как хозяин малины, организатор и вдохновитель. И закатали бы его надежно и однозначно.

– Если он – настоящий Мастер...

– А другого я, Даша, что-то не вижу, уж извини...

– И ни во что потаенное не веришь?

– Если оно и есть, это либо мелочи не по нашему профилю, либо возня частных служб, а к ним не всегда и подберешься. И на свет их игры частенько не всплывают вовсе. А если тут большая политика – тем более. Правда, как голову ни ломаю, не могу придумать, что за *большая* политика в Шантарске может завязаться. Вроде бы все поделено и застолблено, и мы худо-бедно узнаем, если кто-то начинает топтать чужие грядки.

– Вот ведь гадство, – сказала Даша, доставая из шкафчика нераспечатанную пачку чая. – Я могу набрести на них нос к носу, но – не заметить. Сделать бы что-то такое, отчего они тут же зашевелились...

Толя отвел взгляд, ставший крайне скептическим.

Глава вторая

Танец с саблями

Говоря по правде, неожиданный больничный Дашу ничуть не тяготил – все равно она не представляла, в каком направлении двигаться, чтобы хоть на шаг подойти к *потаенному*, определить хотя бы, существует ли и впрямь «секретный ящичек». Вся ее уверенность понемногу испарилась – и после уничтожающих реплик шефа, профессионально выверенных ударов по слабым местам, и после собственных бесплодных раздумий. Всю громаду фактов, показаний и событий надлежало переместить на иную точку опоры – а ее-то Даша и не видела.

От безнадёжности она убила целый день на то, чтобы хоть немного вникнуть в политическую жизнь Шантарска, которой раньше, как подавляющее большинство ментов, попросту не замечала, пропуская мимо сознания. Накупила газет, вдумчиво просмотрела кучу передач по местным телеканалам – и голова пошла кругом.

Даша сомневалась даже, можно ли назвать это политической жизнью. Горластая орава кандидатов привычно и лихо обещала столько, что на мало-мальски честное выполнение хотя бы половины посулов пришлось бы потратить весь золотой запас США и вдобавок безжалостно потрясти швейцарские закрома, послав туда суровых комиссаров с наганами. Что до выполнения обещаний предыдущих, о них либо стыдливо умалчивали, либо просто-душно объясняли происками засевших повсюду врагов. Демократам мешали партократы, коммунистам – мировая буржуазия, национал-патриотам – жида и масоны, центристам – радикалы, радикалам – центристы, и даже партии любителей кошек, тоже вознамерившейся провести кандидата в Государственную Думу нового розлива, как выяснилось, мешали собачники, распустившие злонамеренный слух, будто употребление «Вискаса» вызывает импотенцию и рак – как у мурлык, так и у их хозяев. Всем постоянно кто-то мешал, а виноватых, как водится, не находилось. Параллельно по всем азимутам нагнеталась самая крутая истерика. Все несчастья, случившиеся с видными активистами предвыборного бомонда, с ходу объяснялись происками врагов и конкурентов. Известный социал-демократ, в совершенно непотребном виде шлявшийся по проспекту Авиаторов с незарегистрированной газовой пушкой за поясом, наутро после освобождения из вытрезвителя винил во всем неких анонимных политических противников, хотя в детали совершенно не вдавался. Либеральный социалист, захиревший с приходом рыночных отношений писатель Старохамцев (носивший кличку «сорок девятый» по регулярно занимаемому им на выборах в областной парламент месту), заявил в интервью «Бульварному листку», что был преждеостоко бит шантарскими чернорубашечниками – однако газетка иного политического направления прозрачно намекала, что некий труженик пера намерен в пьяном состоянии погладил пониже спины в троллейбусе смазливую студенточку и был тут же отколошмачен ее кавалером. Правозащитник Царюков обвинял психиатров в том, что они регулярными обстрелами из психотронного оружия ухитрились перепрограммировать весь его потенциальный электорат, и тот, зомбированный, от Царюкова отшатнулся. Монархо-ультраславянин Омельяненко печатно обвинил доцента Ошаровича в потаенном жидомасонстве, в качестве доказательства напирая на окончание «вич». Доцент, мужик двухметрового роста, происходивший из старинной белорусской шляхты, обиды не вытерпел, покушал водочки и в одиночку разгромил штаб-квартиру Монархической ультраславянской партии, с большой сноровкой действуя древком захваченного у врага знамени. Ультраславян (домашних мальчишек-студентов, направлявших нерастратченную энергию вместо девушек на изучавшиеся по сомнительным ксерокопиям основы национал-социализма) он гнал два квартала, лупя древком по хреб-

тине, – но был несказанно изумлен статьей в газете «Вечерний Шантарск», объявившей эти события фашистским митингом в центре города.

...Потом болящую приехал навестить Глеб с тортом и бутылкой любимой Дашиной настойки и посоветовал отправить все газеты в туалет, потому что за всякой политикой стоит экономика, то бишь деньги и коммерческие интересы, а это столь сложные и засекреченные материи, что он и сам не берется толком обрисовать хотя бы примерный расклад. По его глубокому убеждению, насмерть бьются две силы – та, что качает сырье, и та, что производит товары, а все остальное – оттенки, нюансы, умышленная дезинформация, глупость и амбиции.

К такой точке зрения безоговорочно примкнул майор Шевчук, притащивший Даше кус копченой осетрины и новый финский замок. Они с Глебом тут же принялись его ставить, ради стимуляции творческого процесса прихватив в прихожую бутылку «Абсолюта» из холодильника. Даша тем временем смотрела по телевизору выступление очередного кандидата, философа Полуянского, призывавшего возрождать традиции новгородского вече и тут же, без всякой логики, – дворянские титулы. Недосмотрела – не вытерпела.

Так прошел день, мирно и бессмысленно. Назавтра Даша, чувствуя, что пришла в норму, в десять утра позвонила и заказала Федю с машиной, потом брякнула на студию и стала испрашивать у Марзукова аудиенцию. Кажется, он не особенно обрадовался, но вполне вежливо сообщил, что его самого, к сожалению, не будет, но толковый и дельный заместитель постарается, чтобы на все Дашины вопросы были получены ответы, полные и исчерпывающие.

Даша из чистого любопытства врубила соответствующий канал. Место Ольги Ольминской заняла эффектная и сексапильная, нужно признать, шатеночка, державшаяся чуточку скованно – то ли из-за неопытности в этом амплуа, то ли оттого, что за спиной у нее висел большой портрет Ольги в траурной рамке. А потом пошла очередная серия «Сатанинской гавани», и Даша моментально отключила ящик.

В дверь позвонили. Федя вошел первым, а из-за его спины выпорхнул – черт, со всей этой кутерьмой она совершенно забыла про французского петушка! – мсье Флиссак, галантно кинувшийся целовать Даше ручку.

– О, мадемуазель Дария! – воскликнул он. – Я слышать, на вас делали атак какой-то борзота, козел позорный, петух ставленный? (Дарья недоуменно посмотрела на Федю. Федя дрожал мелкой дрожью, прислонившись к стенке и едва на пол не сползая от сдерживаемого хохота.) Я очень рад знать, что с вами все предельно благополучно... Конкретно по жизни!

Мсье Флиссак объявился за день до приснопамятной «казни» мадемуазель Шевчук – французский писатель, по его собственным словам, который вознамерился сотворить очередной нетленный детективный роман, основанный на этот раз на сибирских реалиях. Для чего, собственно, ему просто необходима мадемуазель Дария, чтобы познакомить его с означенными реалиями. Француза Даша спихнула на Славку, посоветовав периодически отслеживать французские странствия по городу и наказав настрого, чтобы не таскал баксы в нагрудном кармане куртки. Однако она и не предполагала, что мсье настолько быстро *вживется* и освоит местный лексикон.

Справившийся с приступом смеха Федор поведал, что Флиссак, будучи поселен в гостиницу «Шантарск» и должным образом проинструктированный насчет всех опасностей и чреватых соблазнов города, ввечеру был доставлен в родимый отель несколькими кожными мальчиками, бережно затащившими бесчувственного парижанина на восьмой этаж. Флиссак как-то забрел в «Шантарские пельмени», где его напоили от всей русской души и попутно три часа рассказывали «совершенно достоверные» истории из собственной жизни. Насколько Даша знала тамошнюю братию, доверчивому французу наплели столько небы-

вальщины, что хватит на десяток романов, над которыми потом будет ахать в сладком ужасе весь читающий Запад, полагая, что каждая строчка – святая правда.

Теперь Даша лично убедилась, что мсье оделся-таки попроще и вообще стал поне-много соображать, что он не в Европах.

Федя развел руками, заканчивая повествование:

– Поутру нарисовался в управлении, а потом набился к вам поехать... Силен мужик, как и не жрал вчера...

– Я извиняться, но мне там сказать, что вы направляетесь произвести совершенно невинный беседа, не таящая особого служебная секрета, – пояснил мсье Флиссак, жестами и фигурой выражая, что он просит прощения за чрезмерную назойливость, но не в силах преодолеть натиска подталкивающей его в спину Музы. – И думаю, может, возможно посопровождать?

– Возможно, – вздохнула Даша. – Чего уж там...

В прихожую выглянул майор Шевчук, и Даша оживилась:

– Ага, вот кстати. Знакомьтесь. Это есть мон папа, ажан с потрясающей биографией и опытом. Он вам столько может порассказать, что вы на меня и смотреть не захотите...

– Мадемуазель Дария, на вас я смотреть всегда есть захотите! – воскликнул Флиссак, но все же сделал стойку на майора.

Федя усталился на француза хмуро, будто ревнующий первоклассник. Француз, надо сказать, уговорам внял и сейчас был одет в самую обычную для Шантарска джинсу и кожу, так что мог без труда раствориться в толпе, словно щепотка мела в миске со сметаной.

– Будем пить кофе, или сразу поедим? – спросила Даша, вспомнив о долге хозяйки.

– Если так возможно, я бы видеть этот кофе на... – И он, с невинным выражением лица, совершенно правильно ставя ударения, кратко объяснил, что предпочел бы видеть Дашин кофе на известном предмете.

Федино ржанье сотрясло стены прихожей. Даша тоже невольно рассмеялась:

– А если кофе будет горячий?

Смущенный француз, сообразив, что ляпнул нечто оплошное, с неописуемым галльским изяществом пожал плечами:

– Я что-то неправильно выразиться? Такое выражение мне слышится довольно часто, особенно вчера, когда эти славная ребята мне рассказывать, какие они крутой, и как они всех е... – на сей раз он проглотил словцо, увидев, как Федя с покрасневшим лицом и слезами на глазах хватается за живот, готовясь сползти по стеночке. – Что-то вновь неправильно для приличный общество?

– Все правильно, – кивнула развеселившаяся Даша. – Мы уж как-нибудь вытерпим, но вот при посторонних, умоляю, все словечки, что услышали вчера, лучше держите при себе.

– Но я их не только вчера...

– Все равно. Пользуйтесь только теми русскими словечками, что с собой привезли. Иначе скомпрометируете меня жутко...

– О, француз никогда не компрометирует дама... Все понял, билять буду, – послушно кивнул мсье Флиссак.

Тяжелое финансовое положение «Алмаза-ТВ», вообще-то, могло послужить и побудительным мотивом – рассуждала Даша в машине, мысленно, естественно. Можно предположить «синдром чайника». Случается, когда у законопослушных доселе людей вдруг резко кончаются деньги, перспектив не видно, а над головой, точно на бывшезагнивающим Западе, повисла нешуточная угроза банкротства, разоренные пускаются во все тяжкие. Сплошь и рядом пополняют бесконечные шеренги клиентов уголовки – влипая с удивительной быстротой, потому что не умеют нарушать законы так, чтобы не попадаться, и ни в каких мафиях не состоят. Примеры можно черпать из кармана пригоршней. Вот только преступления таких

«чайников», как правило, весьма непродуманные, простенькие и незамысловатые. Впутайся в такое «хозяйство Марзукова», уголовке уже давно залетела бы в уши парочка сплетен. Отсюда закономерно вытекает вопрос номер два: если преступление непростое, оно, естественно, сложное, а в какие такие криминальные *сложности* могли впутаться «алмазовцы»? Кто их в серьезное дело возьмет? Какие такие выгоды преследуя? А сами они что-то серьезное и сложное решительно не способны придумать без должного опыта. И нужных контактов не имеют. Можно назвать единственным их «контактом» Крокодила – но он всего лишь крутил нерегулярные амуры с Олечкой Ольминской, он не настолько опрометчив и глуп, чтобы взять в долю компаньшу телечайников.

Тестюшка Марзукова вне подозрений. Не оттого, что высокопоставленный, а оттого, что и его никто и никогда не возьмет в серьезную игру...

Дарий Петрович Москалец до того, как грянула перестройка, прозябал обычным кандидатом химических наук, одним из превеликого множества наштампованных без меры в советское время. Недостижимая мечта для таких – даже докторская диссертация, не говоря уж о Государственной премии. И киснуть бы ему дальше над вонючими колбами, негодую на задержки зарплаты и вторжение страшного рынка в уютные интеллигентские будни с чайком на рабочем месте и бесконечной трепотней. Или наоборот – бросил бы истощенную ниву науки и подался в «челноки», волоча из Харбина наперекосяк сшитые пуховики со вшами и самопальную водку, от которой в Шантарске дохли даже стойкие, как тараканы, бичи.

Случилось третье – Москалец попал в струю и помчал по ней, пеня водичку плавниками. Тысячи кандидатов околосвяческих наук листали ночью под одеялом унылые диссидентские брошюры – но в профессиональные и хорошо оплачиваемые борцы за демократическую идею угодили единицы. Вроде Москальца. На заре перестройки он боролся за реформирование КПСС в духе подлинно ленинских принципов, потом боролся с партократией, дабы передать всю полноту власти Советам, попозже боролся против самих Советов, мешавших ударному строительству светлого капиталистического будущего, – одним словом, колебался вместе с линией, что твоя синусоида. Говорили, что вполне искренне. Интеллигенты всегда колеблются вместе с линией совершенно искренне. Представителем президента в Шантарской области Москалец стал еще в ту романтическую пору, когда о ваучерах и слухом не слыхивали, а тараканы усы Руцкого в глазах любого интеллигента-демократа олицетворяли гордую поступь российской свободы.

Вот только с тех пор много воды утекло – и еще больше уплыло денежек на зарубежные счета. Но к последним Москалец не имел никакого отношения. Недовымершие, классические демократы сахаровского розлива считали его человеком предельно честным. Циники же с ухмылочкой уверяли, будто Москалец просто-напросто оказался недостаточно умен и оборотист, чтобы войти в долю или хотя бы обеспечить себе регулярный скромный процент. Хомо сапиенс изначально устроен так, что делиться не любит, особенно с бессребрениками-идеалистами. Особенно на одиннадцатом году перестройки, когда все уже поделено, все схвачено, и всякий почти представитель президента, невзирая на его деловые качества, рассматривается как лишний рот и вызывает у определенной категории делового народа резонный, в общем-то, вопрос: «А этому-то с какой стати отстегивать»? Тут уж кто успел, тот и съел...

Единственное, что поимел Москалец от рыночных перемен – роскошные хоромы в роскошном «новорусском» доме на тихой улице имени красного подпольщика Пермякова, сложившего голову в борьбе против колчаковцев за торжество мировой революции (а по другим данным – спяну пристреленного из верного маузера соратником по борьбе, партизанским атаманом Щетининым, приревновавшим Пермякова к боевой подруге). Ни в чем доходно-коммерческом Москалец, как было известно совершенно точно, не участвовал ни с какого боку и находился в положении достаточно пикантном – если злые языки не ввали

насчет того, что будущим летом случатся-де президентские выборы. На Руси исстари повелось, что всякий новый самодержец обычно менял ближних бояр, дьяков и воевод, причем в первую очередь сыпались бессребреники и идеалисты. Как цинично выразился Глеб, коли уж Москальца вот уже год не облаивают печатно ни коммунисты, ни национал-патриоты, это означает, что рейтинг Дария Петровича упал ниже абсолютного нуля...

Суммируя и резюмируя, можно твердо утверждать со всей уверенностью, что на роль закулисного вершителя темных дел и теневой коммерции тесть Марзукова безусловно не годится. Информатор из казино «Жар-птица» сообщал недавно, что Юля Марзукова, в девичестве Москалец, напившись в баре с подружкой школьных лет, а ныне супружницей юного преуспевающего бизнесмена, ругательски ругала пентюха-папочку, так и не научившегося делать деньги, даже деревянные...

– Здесь сворачиваем? – спросил Федя.

– А? – Даша очнулась от раздумий. – Нет, до следующего дома проедь, а там под арку...

– Они есть замешаны в криминаль? – спросил с заднего сиденья мсье Флиссак.

– Вряд ли, – задумчиво сказала Даша. – Так, формальности...

10.34 по шантарскому времени

«Москвич», скрежеща потрепанной коробкой передач, въехал в обширный двор, насквозь продуваемый ветром и почти пустой, если не считать непонятно чьего склада, двойного ряда гаражей и десятка автомобилей, стоявших впритык к решетке, ограждавшей выступающие колпаки газгольдеров, похожих на купола уэллсовских марсиан (этот квартал готовил пищу исключительно на газе и оттого был в выгодном положении по сравнению с электрифицированными, где то и дело отключали свет без всякого предупреждения).

– Туда, – показала Даша. – Где витрины разрисованы.

– Там же магазин?

– Это вывеска осталась...

Магазин «Фрукты-овощи», вмонтированный некогда прямо в жилой дом, давно уже перестал существовать, как и купившая его фирма, прогоревшая на антиквариате (казалось, что вот-вот достроят двадцатизэтажную гостиницу, и интуристы хлынут потоком – но отель четвертый год зиял пустыми окнами, а у аборигенов окрестных районов были заботы поважнее покупки антиквариата). Фирма тихо исчезла, а магазин приобрел под студию Марзуков, в ту пору гораздо более денежный, – благо почти рядом торчал высоченный небоскреб Шантарского речного пароходства, на чьей крыше и установили антенну передатчика. А огромные буквы «Фрукты-овощи» просто поленились отрывать с козырька. Тр-рах! Дверь телестудии распахнулась с грохотом, оттуда выскочил человек в сизом милицеском бушлате, согнувшись и держась за левую ногу, закультыхал прочь. Короткий треск – и он замер, нелепо дернулся, скрючившись, стал опускаться наземь.

– Тормози! – отчаянно заорала Даша.

Едва успела схватиться за ручку – Федя вдарил по тормозам, «москвичок», клюнув носом, замер метрах в тридцати от неподвижного тела. Даша еще успела подумать, что на студии нет никакой милицеской охраны, – и тут в приоткрывшейся двери сверкнул металл, загрохотала автоматная очередь, метрах в двух перед машиной взлетели фонтанчики из мерзлых крошек земли.

Федя без приказа дал задний ход, машина, нестерпимо взыв, прямо-таки прыгнула назад. Даша уже стреляла прямо через лобовое стекло – раз, два! Стекло с ее стороны покрылось паутиной трещин, но она успела рассмотреть, что дверь проворно захлопнулась.

Сзади охнул француз.

– Ложись на пол! – закричала Даша. – Федя, газу!

Машина, летя кормой вперед, отскочила за унылое здание склада. Новая автоматная очередь вслед – из разбитого окна рядом с дверью, где-то сзади посыпалось стекло, пули визгнули по глухим стенам из темно-красного кирпича.

Поймав растерянный взгляд Феде, Даша распорядилась:

– Глуши мотор! Рацию! Француза стереги!

Мсье Флиссак попытался было отважно выглянуть из-за угла. Федя схватил его за лодыжку, опрокинул и оттащил в безопасное место. Зачем-то пригибаясь, вернулся к машине, лег на передние сиденья и вытащил микрофон из гнезда. Даша, прижавшись спиной к грязной стене, пыталась собраться с мыслями, но в голову не лезло ничего умного.

Осторожненько выглянула. Тут же по ней ударил автомат, на голову посыпалась кирпичная крошка. Федя орал в микрофон. Француз сидел на корточках, лицо у него стало невыносимо азартным. Даша погрозила ему кулаком. Перебежала на другую сторону, высунулась из-за угла. На сей раз стрелок отреагировал с полуминутным, наверно, запозданием, и она успела рассмотреть, что он торчит у разбитого окна, – прежде чем вновь стегнула короткая очередь.

Даша видела со своего места, что на балконах длиннющего дома, в котором располагалась студия, замаячили кое-где перегибавшиеся через перила люди. Заорала благим матом, словно пыталась докричаться на другой берег широченной Шантары:

– Спрятаться всем, идиоты!

Милиционер лежал на том же месте и не шевелился. В пятиэтажке за Дашиной спиной кто-то громко запричитал. Слышно было, как метрах в десяти, на проспекте Энгельса, как ни в чем не бывало шумят троллейбусы и надрывается ламбада – из динамика на крыше «комка».

10.38

– Руки! Лицом к стене! – рявкнули сзади.

Мсье Флиссак, сидя на корточках, старательно воздел руки над головой. Федя замер в неудобной позиции – только ноги торчали из распахнутой правой передней дверцы. Даша застыла, не шевелясь, но все-таки осторожно повернула голову, глянула назад. Ее держали под прицелом автоматов трое в комбинезонах с рысью на рукаве и черных капюшонах. Ни хрена себе оперативность, растерянню подумала Даша, Федя еще говорить не кончил...

– Рыжая? Ты как здесь? – тот, что был со «Стечкиным», очевидно, командир, опустил ствол, махнул своим. Из-под арки перебежками просочились еще четверо.

– Да по делам ехала... А вы?

– Только что был звонок в пару редакций и дежурному по городу, ближе всех оказались, Ведмедь и погнал...

– Ну?

– Там чечены, – сказал офицер. – Звонил какой-то Арслан, сказал, что они взяли в заложники восемь человек, всю смену, и при любой попытке штурма... Требования сообщат дополнительно. – Он осторожно выглянул из-за угла.

Ударил совсем короткая очередь, патрона в три. Из-под арки уже выглядывали зеваки, автоматчик их крыл на чем свет стоит, но они все равно лезли.

– Сподобились... – сказала Даша. – И до нас, значит, докатилось? Сколько их там может быть?

– Сиди, не твоя печаль...

И тут раздался спокойный, даже восхищенный голос:

– Я понимаю, там есть террорист?

У офицера перехватило дыхание. Он несколько секунд оторопело разглядывал мсье Флиссака, с детским любопытством тарасившегося на суету рослых парней в камуфляже

(их все прибывало, кто-то подсоединял прицел к бесшумной снайперской винтовке, кто-то бубнил в рацию):

– Это еще кто?

– Наш француз... – растерянно сказала Даша и опомнилась. – Федя, убери его к чертовой матери!

Федя задом вперед вылез из машины, подхватил француза и поволок, невзирая на протестующие двуязычные вопли, под арку, в безопасное место, распутивая матами зевак, все время озираясь.

– «Байкал» сейчас приедет, – сказал офицер. – Там, у двери, твой лежит?

– Да нет, понятия не имею, откуда он взялся, – пожала плечами Даша. – Когда мы подъезжали, как раз выскочил, похоже, уже раненый, они добавили в спину, или в затылок из пистолета, определенно.

На противоположной стороне двора, вдоль длиннющей девятиэтажки, уже перебежками двигались фигуры в камуфляже, прижимаясь к стенам.

– Нам же его не вытащить... – заикнулся кто-то из «рысей».

– Стой, не дергайся! – нервно рявкнул офицер. – Он, похоже, мертвый уже... Видел, как лежит? Внутри не стреляли?

– Не знаю, мы ж только что... – сказала Даша.

– Ладно, не стой, – он показал большим пальцем за спину. – Дуй по квартирам, предупреди, чтобы носу не казали, вообще забились на другую половину – весь фасад простреливается...

10.55

Все проходы и проезды во двор блокированы милицейскими машинами. Слева, под второй аркой, расположился бронетранспортер, наведя пулемет на дверь студии. Даша, все еще торчавшая у склада, видела, как слева и справа по крышам осторожно перемещаются снайперы – перебежками на корточках, держа длинные винтовки наискосок.

Динамики на крышах машин с интервалом примерно в минуту надрывались, вновь и вновь сообщая, что жителей близлежащих домов категорически просят не выходить на улицу и на балконы, отойти от окон, выходящих во двор. Пару раз низко над крышами, непонятно зачем, прошел военный вертолет, но вскоре улетел. Проспект Энгельса и набережную, на которую выходили тыльные окна телестудии, уже перекрыли, там урчали броневики и тягуче завывали милицейские сирены. Дашу сначала как-то недодумались выставить за оцепление, а потом, когда ей нашлась работа, с ее присутствием молча смирились, полагая само собой разумеющимся. Она обежала парочку подъездов, располагавшихся в мертвой для террористов зоне, настрого приказывая перепуганным людям сидеть смирнехонько. Засевшие на студии больше не стреляли.

11.06–11.14

Примчавшийся на своем «Скорпио» полковник Бортко хотел поначалу под прикрытием бронетранспортера вытащить лежащего перед самой дверью милиционера, но его капитан, долго наблюдавший в бинокль, доложил, что не видно ни малейших признаков дыхания, а вместо левого глаза зияет выходное отверстие, так что человек определенно мертв, с вероятностью на сто процентов.

Во всех ключевых точках бок о бок с людьми из РУОП и ОМОНа заняли позиции спецы из антитеррористического отряда «Байкал» – местного аналога «Альфы». В зеленых шлемах с глухими забралами, вооруженные чем-то вовсе уж не виданным, но весьма внушительным. Возле склада как-то стихийно дислоцировался штаб; с прибытием «байкаловцев» Дашу вновь таскали туда давать подробнейшие показания – их троица оказалась единствен-

ными, кто хоть что-то видел в момент, непосредственно предшествовавший убийству неизвестного милиционера. Потом ее водили на Энгельса, где не протолкнуться было от всевозможных генералов, своих и чужих; поперек проезжей части стояли машины губернатора и Москальца, окруженные бдительными телохранителями. Пришлось повторить то же самое отцам города и области – как будто они могли уловить нечто, ускользнувшее от профессионалов. Там же отирался бледный, как полотно, Марзуков, трясущимися руками составивший список всех, кто оказался в заложниках.

11.22

По офицеру «Байкала» в бронежилете, высунувшемуся из-за угла склада с белым флагом (наспех смастеренным из реквизированной в какой-то квартире простыни), ударила короткая и неприцельная автоматная очередь. Потом кто-то, прижавшийся к двери той комнаты, где было разбито окно, прокричал, что в переговоры они вступят, когда захотят сами, а пока советуют оставить идиотские мысли о штурме.

11.34

Террористы потребовали рацию для прямой связи со штабом осаждающих. Рацию отнес один из «байкаловцев» и благополучно вернулся назад, по нему не стреляли.

11.52

Штаб, заседавший в автобусе РУОП, вновь вызвал Дашу, чтобы параллельно с только что допрошенным Марзуковым нарисовала план студии, уже с точки зрения милиционера прикинув, можно ли туда прорваться. Даша, не проходившая никакой антитеррористической подготовки, прекрасно понимала, что ее используют исключительно как оселок, на котором оттачивают собственные варианты штурма, – но обижаться тут, разумеется, не приходилось, она старалась, как могла, вспомнить все, что знала о расположении комнат.

При всем ее невежестве в таких делах, она понимала, что штурм обернется бойней для заложников, и не только для них... Еще со времен «Фруктов-овощей» все окна магазина были снабжены решетками – антиквары добавили закрывавшиеся изнутри железные ставни, а Марзуков, размещая дороговую аппаратуру, заменил решетки на новые, еще прочнее. Убрать их за несколько секунд было невозможно.

Кроме того – чертовы газгольдеры... Взорвись газ после зажигательной пули или снаряда из «мухи» (кто знает, какой там у них арсенал?) – окрестные дома, если и не будут сметены, то все равно пострадают так, что убитых и покалеченных придется считать на десятки... Даже если у террористов нет ни «мухи», ни зажигательных пуль достаточно прошить трубы автоматными очередями, дожидаться, когда поперет волна газа и выкинуть наружу подожженную тряпку. Взрыв будет такой, что мало не покажется, – это объяснил находившийся в предынфарктном состоянии инженер из горгаза.

12.14

Заработала рация. Террористы требовали на переговоры губернатора или командующего Сибирским военным округом. Им мягко разъяснили, что ни того, ни другого в Шантарске сейчас нет, и предложили прислать их заместителей. Под видом заместителей, конечно, должны были направиться костоломы из «Байкала», но террористы, должно быть, такой ход предусмотрели. Говорить с заместителями они отказались, после чего на четверть часа воцарилось состояние напряженного пата.

12.31

Люди Бортко привезли в штаб лидера небольшой шантарской чеченской общины. Через динамик «байкаловской» машины он минут пять говорил что-то на не понятном никому языке – но в ответ последовала автоматная очередь и яростные заверения по радиии, что «этому хасбулатовскому прихвостню лучше убраться подальше». Лидер растерянно объяснял штабистам, что Хасбулатова терпеть не может, но его ввиду полной бесполезности отправили восвояси.

12.35–12.48

Все это время оцепление занималось тем, что отгоняло слетевшихся журналистов. Операторы с видеокамерой ухитрились обходными путями просочиться на крышу противоположного дома, но были задержаны и выставлены, причем один из них по неловкости стукнул о милицейскую дубинку свой японский агрегат, что вызвало необратимые повреждения последнего.

13.01

Генералу Дронову по радиии сообщили, что на центральном рынке громят «кавказские» ряды. Толпа насчитывает уже человек двести, изредка мелькают и казаки, и чернорубашечники, но в подавляющем большинстве там собрался всякий случайный народ. Почти весь состав двух близлежащих райотделов выехал на рынок, посланный Трофимовым ОМОН оцепил гостиницу «Золотой колос», известную всему городу, как «горный аул». Кроме того, в разных точках города произошли спорадические избиения всех, кто имел несчастье оказаться похожим на джигита. Судя по всему, известие о террористах на студии уже разлетелось лесным пожаром по всему Шантарску. Капитан Завражнов из РУОП, появившийся только что, рассказал Даше: те, кто смотрел в это утро семнадцатый канал, видели, как дикторша вдруг вскочила, крича от ужаса, камеру тут же заслонила чья-то спина и передачи прервались...

13.19

Центральный рынок очищен, два подожженных киоска потушены. Приехавший к Дронову подполковник Портнягин конфиденциально сообщил, что ОМОН, воевавший в Чечне, держать позиции возле гостиницы держит, но в рядах определенно нарастает глухое недовольство нынешней миссией, и уже раздаются голоса, что следовало бы вместо того, чтобы тыкать дубинками в земляков, уйти на базу, а черномазые пусть выпутываются сами. Дронов отбыл к гостинице.

13.28

Террористы потребовали вертолет с пилотом и десять миллионов долларов США. Вертолет должен приземлиться прямо перед дверью, а доллары – находиться в прозрачных мешках. Им стали объяснять, что вертолет тут не сядет, а столько баксов в государственной кассе не наберется.

13.38

Требования насчет вертолета и долларов сняты. Вернулся Дронов, которому удалось погасить зачатки мятежа.

13.42

Последовала автоматная очередь по окнам противоположного здания.

13.51

Вновь приехал лидер чеченской общины и на коране поклялся, что все живущие в Шантарске чеченцы обзвонены, опрошены и никто из них не может оказаться на студии.

13.59

«Сарафанное радио», как всегда в таких случаях, работает безотказно. По цепям осаждающих мгновенно пронеслось известие, что Москва умоляет и категорически требует не допустить кровопролития. В 15.40 по шантарскому времени должен приземлиться спецрейс из столицы.

14.03

Анонимный телефонный звонок в городское управление ФСБ. Звонивший заявил, что вскоре последует еще один террористический акт – на острове Кумышева, где расположены емкости с хлором, используемым на водоочистных сооружениях.

14.11

Остров Кумышева занят армейским спецназом Сибирского военного округа. Шантарск блокирован силами милиции и внутренних войск по стандартному плану «Невод».

14.29

Из прилегающих домов эвакуированы практически все жители – кроме жильцов подъезда, расположенного непосредственно над телестудией.

Людей выводили сложным путем, кое-кого – через окна квартир первых этажей.

14.48

Закончен опрос жителей, производившийся силами всех без исключения служб. Есть два свидетеля, насчитавшие в помещении телестудии самое малое шесть выстрелов, прозвучавших непосредственно перед убийством милиционера.

14.50

Террористы наконец предоставили возможность поговорить с одним из заложников, в чем раньше упорно отказывали. По словам оператора дежурной смены, обращение хорошее, все заложники живы и здоровы. Специалисты утверждают, что таким заявлениям, сплошь и рядом продиктованным упершимся в висок стволом, невозможно верить без визуального осмотра места.

14.55

Генерал Трофимов распорядился ввести в действие план «Борона» (носящий среди своих неофициальное название «Черные грабли» – скрупулезная проверка лиц известной национальности). Проверка начата с гостиниц «Золотой колос» и «Турист».

14.59

Террористам сделано предложение о добровольной сдаче. Отклонено.

15.04

Находившаяся в Шантарске по приглашению «Бульварного листка» правозащитница Валерия Новохатская попыталась провести у Большого концертного зала митинг в поддержку героической борьбы чеченского народа за суверенитет и полную независимость. Новохатская и сопровождавшие ее лица отбиты патрулем ППС у разъяренных шантарцев

и с легкими телесными повреждениями доставлены в левобережный травмпункт «Скорой помощи».

15.14

Подразделения МЧС и спецназ закончили осмотр острова Кумышева. Каких-либо признаков готовившегося террористического акта не обнаружено. Задержаны тридцать восемь человек. Майор Камов, курирующий сборища педерастов на острове Кумышева, ведет сортировку.

15.21

У проживавшего в гостинице «Турист» гражданина южного иностранного государства с непризносимой фамилией обнаружен пистолет марки «Беретта» со снаряженным магазином. Доставлен на Черского. Соучастие в подготовке терактов отрицает.

15.22

Террористы потребовали предоставить им заправленный самолет с экипажем и миллион долларов. Начаты переговоры с одновременной проработкой варианта «снятие с трассы».

15.30

Получена радиограмма с борта подлетающего к Шантарску спецрейса. Подтвержден приказ избегать кровопролития.

15.38

Пресечена попытка родственников заложников прорваться через оцепление. У гражданина Струнникова, мужа диктора Виктории Струнниковой, изъято заряженное охотничье ружье марки «ТОЗ-34» двенадцатого калибра.

15.43

Спецрейс из Москвы совершил посадку в аэропорту Ермолаево.

15.59

Гражданка Новохатская после возникшего у нее с персоналом левобережного травмпункта «Скорой помощи» конфликта перевезена в дежурную часть Железнодорожного райотдела милиции с целью обеспечения ее личной безопасности.

16.10

Террористы потребовали передать по всем телеканалам Шантарска составленное ими обращение, грозя в противном случае начать убивать заложников. Среди специалистов ведется дискуссия о том, все ли заложники живы – террористы разрешили поговорить по радиации только с двумя, мотивируя это тем, что все остальные «в истерике». Обращение на листке бумаги выброшено в дверь в бутылке из-под молока. По офицеру «Байкала», ходившему его подобрать, не стреляли.

Московская комиссия на предельной скорости движется в Шантарск из аэропорта. Ее председатель по радио посоветовал выполнить условия террористов и передать обращение.

16.24

По всем телеканалам Шантарска передается сообщение «Фронта подлинных мюридов Мовлади Арацханова». Специалисты не обнаружили в нем ничего нового – практически все

положения, лозунги и требования ранее содержались в выступлениях иных аналогичных групп.

16.38

Председатель московской комиссии лично вступил в телефонные переговоры с террористами, ведя разговор из здания областной администрации. Осаждающие получили приказ на полную боевую готовность. Подтянуты пожарные и санитарные машины в надлежащем количестве.

16.45

Командир группы «Байкал» после неоднократных просьб получил санкцию на меры под кодовым наименованием «Забор». Бронетранспортер группы заблокировал директрису огня, сделав невозможным ведение стрельбы из окон телестудии по газгольдерам. Террористам сообщено по рации, что бронетранспортер остановился на данном месте из-за внезапно заглохшего мотора.

16.58

Террористы заявили, что в случае сдачи опасаются мести оставшихся на свободе братьев по оружию. Председатель комиссии ответил, что гарантирует им полную безопасность.

17.04

Террористы заявили, что готовы сдаться.

17.05–17.28

Разработка деталей сдачи.

17.31

Получен приказ о том, что огня не следует открывать ни при каких обстоятельствах. Основные силы осаждающих согласно достигнутым договоренностям начали оттягиваться по всему периметру.

Специалисты по электронике дали однозначное заключение: все это время террористы не поддерживали связи с окружающим миром (исключая переговоры с председателем комиссии) ни с помощью телефона, ни с помощью радиоаппаратуры.

...Даша видела со своего места, как автозак с серым кузовом и черной кабиной медленно пятится к двери телестудии. Автоматчик рядом с ней хрипло, тяжело дышал, его согнутый в миллиметре от спускового крючка указательный палец побелел от напряжения.

Появилась группа сбившихся в тесную кучку людей. Раз, два, три... восемь. Нет, семь. Точно, семь. Почему же семь? Неужели все-таки...

Просунувшись меж прильнувших друг к другу тел, наружу торчат два автоматных ствола. Автозак разворачивается так, чтобы встать дверцей к вышедшим. Со всех сторон придвигаются люди в камуфляже, автоматы, как и договаривались, за спиной, пистолеты в кобурах.

Есть! Неуловимый миг, когда все мелькает, рассыпается... Двух мужчин в камуфляже (насколько удалось рассмотреть, головы обриты, перевязаны пестрыми ленточками) укладывают лицом на асфальт, обыскивают. Слышен чей-то истерический крик, один из заложников слепо бросается в сторону, его останавливают, успокаивают. Другой оседает на асфальт. К ним бегут врачи.

Автозак проехал мимо Даши, за стеклом мелькнул напряженный автоматчик. Грохнула дверь – внутрь помещения кинулись несколько человек.

Она нерешительно затопталась, не зная, что теперь делать. Достала сигареты, угостила соседа. Там и сям в застывших позах стояли вооруженные люди, медленно-медленно, так же, как и она, привыкавшие к мысли, что все кончилось...

Жутко громыхнул взрыв. Полетели стекла, в лицо ударило горячим ветром. Послышался чей-то длинный, отчаянный, полный физической боли крик.

Под аркой пылали остатки вспученного взрывом железного кузова – все, что осталось от автозака, так и не успевшего вывернуть на проспект Энгельса. Пожарная машина, тревожно воя и звеня, понеслась туда, подпрыгивая на бетонных поребриках. Отскочил автоматчик, едва не угодивший под колесо. Возникла суматоха.

Даша почувствовала, что ноги у нее слабеют, становятся ватными, подкашиваются. Еще добрела до «Москвича», торчавшего на прежнем месте, плюхнулась на сиденье рядом с водителем. Слишком много для двух недель, повторяла она про себя, как испорченный граммофончик, слишком много для двух недель...

Если бы они ехали самую чуточку быстрее, непременно угодили в заложники – и девять шансов из десяти за то, что получили бы пулю первыми. Все решили две-три минуты... и тот милиционер, что успел выскочить на улицу.

Сигарета прыгала в трясущихся пальцах. Щелкнула дверца – это Федя уселся за руль.

Из-под арки валил густой черный дым – струя воды уже лупила по изуродованному кузову. Никто, конечно, уцелеть не мог...

– Прямо напиться тянет, – сказал Федя.

Даша бледно усмехнулась:

– погоди, мы с тобой до ночи будем рапорты писать, как ценные свидетели... Француз где?

– Там где-то, за второй линией. Там трупы, на студии. Они троих сразу убили, суки...

Глава третья

Самозванцы размножаются, как кролики...

Господин Марзуков, безукоризненно элегантный, сделал два шага вперед и улыбнулся – из-под приподнявшихся уголков губ выглянули белые, кривоватые клычки:

– А вы неглупая, очень неглупая, только ум вам не поможет. Вы умная, а мы хитрые. И у вас нет телевизора...

– Есть у меня телевизор, – сказала Даша.

Комната была скромная и черная. Она сидела обнаженная, привязанная к стулу, и за спиной кто-то шумно копошился...

– У вас не такой телевизор, – сказал Марзуков, облокотившись на огромный, черно-глянцевый ящик. – Ваш не кусается, а мой кусается. Он живой. Посмотрите.

Директор «Алмаза-ТВ» шлепнул ладонью по лакированной боковине, и телевизор, словно с нетерпением дожидаясь этой команды, зашевелился, дернулся, сокращая тонкие ножки, почти припав к полу. Потом опять вырос, матовый пузырь экрана натянулся и лопнул, обнажив широкий красный язык в обрамлении широких белоснежных зубов. Язык свернулся колечком, как у зевающей собаки, зубы лязгнули.

– Он живой, – сказал Марзуков. – И сделает все, что мы захотим. Он давно уже загипнотизировал ваше начальство, и вашего любовника, и весь мир... Весь мир против вас.

– Так не бывает, – сказала Даша. По телу шарили широкие ладони, и кто-то невидимый мерзко подхихикивал в ухо.

– Теперь бывает, – ухмыльнулся Марзуков. – Наш телевизор притворяется сотней самых обыкновенных «ящичков», вползает в дома и гипнотизирует всех, они делают то, что угодно ему и нам...

– Все подряд гипнозу не поддаются, – сказала Даша. – Это даже я знаю.

– Маленькие недочеты всегда случаются. – Марзуков подошел к ней вплотную, Даша отчетливо видела кривые остренькие клыки. – Вот мы и решили это исправить. Сейчас он тебя оттрахает, и ты нарожаешь кучу новых, хитрых телевизоров, которые смогут загипнотизировать всех...

Телевизор, вблизи оказавшийся не огромным, а маленьким, вроде коробки для ботинок, уже подкрался к самым Дashiным ногам, втиснулся меж них мохнатой (откуда у него вдруг взялась шерсть?!) гусеницей, раздвигая колени, бормоча:

– Сейчас ты будешь нам рожать телевизоры... Тебе, Дарья, оказана высокая честь... тебе, Дарья...

– Дарья, к тебе!

Она открыла глаза, дернулась всем телом, выпадая из кошмара. В комнату косо падал свет из коридора, а у двери топтался майор. Даша протянула руку, взяла часы и подставила циферблат под полосу света. Половина восьмого. Когда она накинула халатик и включила свет, майор принялся подавать загадочные сигналы обеими руками. Даша уже окончательно стряхнула остатки кошмара. Положительно, дура. Мало того что после вчерашних событий отписывалась до глубокой ночи, так еще перед сном Кинга взялась дочитывать...

– Кто там спозаранку? – спросила она, зевая.

– Твой, – важно и значительно сказал майор понизив голос. – Глеб нагрянул. Вид такой задумчивый и загадочный, словно предложение делать собрался. Без цветов, правда, и бутылки что-то не вижу. Дашка, а вообще, он мне нравится, ты бы подумала...

– Цыц, – сказала Даша, торопливо приводя себя в порядок. – Рано мне еще замуж, я молодая и неопытная, сначала тебя пристроим, а там видно будет...

Глеб топтался в прихожей с редкой для него нерешительностью, лицо у него и в самом деле было какое-то необычное, взволнованное и напряженное. Майор на цыпочках исчез в глубине квартиры, соорудив столь нейтральную физиономию, что определенно настроился, мерзавец, подслушивать.

– Ну, привет, – сказала Даша, чмокнув в щеку друга жизни. – Что это ты спозаранку? Майора успокоил, он уж решил, ты заявился предложение делать...

Глеб на улыбку не ответил, смотрел строго и серьезно.

– Да что такое? – чуть встревожилась Даша.

– Пошли к тебе...

Он повесил пальто, прошел следом за Дашей, нетерпеливо дыша в затылок, тщательно притворил дверь и оглядел ее комнату так, словно искал скрытые микрофоны и телекамеры. Спиртным от него и не пахло, но вид был малость ошалелый.

– У тебя что, стряслось что-нибудь? – спросила Даша тихо. – Да не торчи ты, как столб, садись и рассказывай...

Он опустился в кресло, потянул из кармана сигареты, глядя насквозь загадочно. Даша сердито собрала в кучу постель, отшвырнула в угол дивана, плюхнулась на освободившееся место и тихонько рывкнула:

– Язык проглотил?

В голове у нее крутились всякие криминальности: зацепил кого-то статьей... попал на счетчик...

– Ты у этого вашего француза паспорт видела?

– Да нет. А что?

– Вообще-то, я не с того начал, может, он и есть самый натуральнейший Флиссак, но...

Даша перебралась к поручню дивана, приобняла друга за плечи, погладила по затылку и ласково сказала с материнским превосходством:

– Ты не мямли. Расслабься, закури... И давай с самого начала. Что у тебя вызвало подозрения, при каких конкретно обстоятельствах...

– Может, он и Флиссак, но не писатель. А если и писатель, то те романы, что тебе преподнес, не писал. Я обе его книжки оставил на вчерашний вечер, решил поблаженствовать в ванной. Открываю, и с первой же страницы... – Глеб раскрыл дипломат и положил к Дашиным коленям четыре толстеньких покетбука в ярких обложках. – Эти две тебе француз подарил, а эти ты мне из Парижа привезла. Короче, на обоих якобы флиссаковских романах просто-напросто приклеены другие обложки – с его портретом и завлекательной аннотацией. А по содержанию это – «Двойной прыжок через бездну» Жоржа Летерье и «Милая налетчица» Робера Ампелена. Издание то же, все совпадает, но на «флиссаковских» другие заголовки: «Путь во мрак» и «Банк ограбят в восемь утра». Сама посмотри. Мало ли что языка не знаешь, тут сразу видно. Не иероглифами пишут французы, как-никак...

Даша раскрыла книжки и стала прилежно сравнивать, минуты через две она признала, что Глеб прав, – незнакомые слова чужого языка, с которых начинались оба текста, совершенно идентичны. Перевернула по страничке – то же самое. Тот же шрифт вдобавок.

– Не сомневайся, я прилежно пролистал, – сказал Глеб. – Один в один совпадает. Те же самые романы. Те же выходные данные, только копирайт на «флиссаковских» стоит его собственный. Девяносто четвертого года, хотя те два романа датированы девяносто вторым и девяносто третьим...

– Может, это у него такие псевдонимы? – пожала плечами Даша. – Черт их душу разберет, писателей. Мало их под псевдонимами издается? А «чужие» фотографии – для пущей убедительности. А не далее как вчера читала в послесловии к Кингу, что он свои первые романы под псевдонимами и выпускал...

– Видишь ли, обычно под псевдонимом лепит бульварные книжки автор серьезных романов. А выпускать средней руки детективчики то под своим именем, то под двумя псевдонимами... Зачем огород городить?

– Милый, но ты, прости меня, все-таки не специалист в этих делах, то бишь не профессионал, – мягко сказала Даша.

– Да конечно, и все равно подозрительно...

Даша отыскивала в столе крохотный перочинный ножичек, тщательно исследовала обложки, поддевая острием твердый слой клея:

– Вроде бы не похоже, чтобы обложки переклеивали. Хотя при современном развитии печатного дела на Западе, как Остап говаривал...

– Вот именно.

– Брось сигаретку. Так... – Даша глубоко затаилась. – В том, что он француз из Франции, я не сомневаюсь. Славка его возил регистрироваться, как честному иностранцу и положено, а там сидят не придурки, даже китайцев наловчились за последнее время раскалывать... Второе, более существенное, кто бы он ни был, комиссара Дюруа он должен знать. Мы с комиссаром однажды ездили в уютный такой ресторанчик, у них туда возят гостей ради экзотики, как у нас – в «Шантару-матушку»... Ездили только вдвоем. Так вот, Флиссак как-то мимоходом обронил про певицу Мелани, которую мы тогда видели... Видели мы такую шансоньетку, точно.

– Это еще не значит, что он знает комиссара. Может, за вами там хвоста пускали... Чтобы ты комиссара не завербовала.

– Все равно, это доказывает, что он – из Франции.

– Но не писатель.

– Это ты так решил, Глебчик. А я тебе обязана напомнить, что все сомнения обычно трактуются в пользу обвиняемого. В особенности если обвинение даже и не выдвинуто. В чем его обвинять, мне решительно непонятно. Хоть убей, не возьму в толк, зачем французской разведке засылать в шантарскую уголовку агента. Американца сцапали возле Шантарска-45, когда он делал высокоточную геодезическую привязку к местности, – это еще понятно. Промышленные шпионы крутятся возле Института биофизики и завода «Импульс» – еще более понятно. Конечно, заинтриговал ты меня... – Она глянула на часы. – На часах девятый час, торопись, Петрушка в класс... Дай-ка телефончик. «Экономисты» наши ранехонько слетаются...

Минут через пять положила трубку и пожала плечами:

– Ну вот. Ребятки заверяют, что в Шантарской области мало-мальски серьезными французскими экономическими интересами и не пахнет. Янкесов хоть завались, израильтян, немцев, испанцев, бывших братьев по соцлагерю... Телефон поставь на место. Спасибо... А французов по пальцам можно пересчитать. Да и то главным образом в туризме и на кондитерской фабрике – там инвестиции пошли, должно быть, лягушачьи лапки в сахаре выпускать будут... Так что же возле меня будет делать агент с ударением на «а»? А если предположить, что это какой-нибудь ихний эмэмэмовец, продавец воздуха, он и тем более не полез бы возле полиции светиться...

– Убедительно...

– Что, не убедила?

– Да нет, отчего, – Глеб пожал плечами. – Весьма убедительно. Но у меня отчего-то на душе неспокойно.

Даша засмеялась:

– Это ты от меня подхватил. Еще полгода проспишь с милицейским капитаном – всех синдромчиков нахватаешься...

– Слушай, а ты, точно, в Париже ничего такого...

– Обижусь, – сказала Даша. – У меня нынче нервы на боевом взводе... Родину я там не продавала, а сплю только с тобой, обормотом.

– Даш, ну извини...

– Прелесть ты моя, – Даша придвинулась ближе и звонко чмокнула его в лоб. – Ни свет ни заря мчался по городу, остеречь хотел... А может, это ты такой предлог выдумал, чтобы лишний раз беззащитную девушку в постель затащить? Девушка, между прочим, совращению подвергнуться не против, сейчас выставим майора на службу...

Глеб глянул на часы:

– Жалко, в Париже сейчас глухая полночь...

– А что?

– Да позвонить в это самое издательство «Ле ливр де пош» и спросить, что они знают о таком писателе... Телефончик-то на каждой книжке обозначен, вот, глянь, у них так заведено. Скажу, что мы, мол, частные сибирские издатели, зондируем почву, дабы издать ихнего автора... Язык знаю, доболтаться с ними смогу, и обойдется мне это удовольствие штук в сто пятьдесят.

– Что, серьезно?

– Ага. Автоматика сейчас неплохо работает, а деньги есть. Выясним точно.

– Ну, милый, тебя и замкнуло...

– Дашка, ты не смейся, но я за тебя беспокоюсь. Влипнешь еще в незнамо что.

– Золотце ты мое, верное плечо и надежная опора... – Она откровенно дурачилась. – Ну не верю я во французские козни... А если он и впрямь самозванец, что ты мне прикажешь делать? Пойти в ФСБ и настучать? А потом окажется, что это и в самом деле были его рабочие псевдонимы, и буду я выглядеть полной идиоткой. Что бы ты на моем месте делал?

– Слежку бы за ним поставил, вот что. На пару дней. Посмотреть, что он делает, когда исчезает у вас с глаз.

– С «пехотой» он водку жрет в «Шантарских пельменях», вот что.

– А все-таки? У тебя же столько народу сейчас под рукой, сама хвасталась.

– Этот народ у меня вот-вот отберут, – сказала Даша не без грусти. – Ну не могу я себя на этакое посмешище выставять... – Однако нечто профессиональное уже включилось с этаким звонким щелчком. – Знаешь, если подумать, у него и в самом деле выговор странный чуточку. Самые простые слова коверкает, а довольно длинные без запинки выпаливает. Если мне не мерещится после твоих накачек...

– Вот видишь? Пошли ты за ним кого-нибудь.

– Мы ж не в Чикаго, юноша, – сказала Даша. – Думаешь, это так просто делается?

Вызываю пару амбалов и цежу сквозь зубы, катая сигару в зубах: «А сядьте-ка на хвост лягушатнику...» Конечно, у меня сейчас режим наибольшего благоприятствования, и все равно, до начальства быстро дойдет, такая плюха по репутации...

– Я смотрю, тебе это нисколько не интересно?

– Да не до того мне, милый, – сказала Даша. – Вопрос, конечно, интересный, и не грех бы пощупать лягушатника... Тьфу ты, ведь заразил... – Она подумала вдруг, что один самозванец возле нее уже крутился, тоже чертовски обаятельный, по фамилии Шохин. – Слушай, крикни-ка майора...

Майор Шевчук явно ожидал услышать коммюнике на брачную тему – это видно было по его поскучневшему лицу, когда Даша с Глебом посвятили его в суть дела. Однако он тут же глянул озабоченно:

– Дашка, а ведь тут и в самом деле стоит вдумчиво осмотреться...

– Ну вот, еще один на мою голову, – сказала Даша. – Бдительные вы мои... Майор, этому симпатичному юноше простительно – у него работа такая, везде сенсации ищет. Ты-то у нас крутой профессионал, неужели тоже сделал стойку?

– Стойку там или не стойку, но когда возле тебя появляются всякие... – он уставился в потолок с отсутствующим видом. – Если поднять два экипажа и задействовать Настурцию...

– Кого?

– Не мешай. Если так, а потом этак... Короче, Дарья, мне все равно нужно потренировать молодое пополнение. Вот мы на твоём французике и поднатаскаем будущих гончаков. Чем родной конторе сэкономим некоторую сумму – «объектам», которых для тренировки используют, платить нужно, и не гроши, а тут подвернулась хорошая возможность совершенно бесплатно пройти по полной методике... – Майор, узрев конкретную цель, оживился и стал весьма деловит. – Снимки будут, слежка будет, он в каком отеле? Так, жучок на телефоне будет, вещички у него проглядят быстро, элегантно и незаметно для хозяина...

– Эй, майор! – встрепелась Даша. – Какие жучки на телефоне? Какой негласный обыск в номере? Ошалел? Чтобы я потом вас отмазывала?

– Да какие отмазки? – майор ухмылялся с откровенным превосходством. – Дашенька, у нас возможности, уж прости, малость разнообразнее. За «Кедр» не ручаюсь, а в «Шантарске» у нас все схвачено, перетрясем номерок за милую душу, и «клопов» навешаем в немалом количестве – чего не сделаешь ради любимой доченьки. Вот замуж бы ее еще выдать, кровинушку, – и помирать можно спокойно.

– Смотри у меня, – сказала Даша. – Не влипните, в самом деле, а то намылят мне шею за недозволенные методы...

– Если твой лягушатник существо абсолютно невинное, он и не заметит ничегошеньки, – сказал майор рассудительно. – А если чего вскроем, моментально дадим тебе знать, и крути дальше совершенно официально.

– Ага, если он шпион, много я там накручу... Тут же чека подключится.

– Все равно, получится, что ты его разоблачила. Глеб потом статейку тиснет насчет иностранных шпионов и бравого капитана Шевчук...

– И получит бравый капитан Шевчук по шее за несанкционированные контакты с прессой, – в тон ему продолжала Даша. – Кое-кто на этом уже погорел.

– Ладно, я полетел, – майор браво сорвался с места. – Через полчаса такая машина закрутится... Дарья, я сегодня домой больше не вернусь, так что задраивай дверь на все цепочки.

– Лети уж, греховодник старый, – фыркнула Даша.

Майор щелкнул каблуками, коротко поклонился на манер старорекламного поручика – и исчез. Слышно было, как он, насвистывая что-то энергичное, напяливает куртку. Хлопнула входная дверь, автоматически защелкнулся финский замок.

– Нет, я положительно с вами, мужиками, шизанусь, – сказала Даша, плюхаясь на диван и прикрывая ноги лапами застегнутого на пару пуговиц халатика. – Сатанисты, террористы, один с утра шпиономанию разводит, другой полные карманы незаконных «клопов» таскает, а сегодня, не поверишь, приснилось, что меня телевизор изнасиловать пытается...

– Вообще-то, я его понимаю, – Глеб присел на край дивана и окинул ее загоревшимся взглядом. – Тебя постоянно отчего-то тянет изнасиловать, из-за того, что рыжая, наверно?

Она закрыла глаза, закинула голову, подставила шею долгим поцелуям, вспомнив с радостью, что все еще пребывает на больничном и торопиться никуда не обязана. Пока Глеб ласково и непреклонно опрокидывал ее на диван, в голове у Даши еще крутились по инерции насквозь сыскарьские заморочки, вспыхивали и гасли смутные ассоциации – на границе сознания, в неизвестной глубине, откуда догадки и идеи вдруг выскакивают в один прекрасный миг уже четко сформулированными в конкретные фразы. Показалось даже, что ухватила ниточку и поняла, что в сегодняшнем рассветном кошмаре было рациональным зерном, но ее уже накрыла привычная тяжесть сильного мужского тела, Глеб медленно вошел в нее. Даша тихо охнула и закинула ему руку на шею, прижимая лицо к груди, отвечая в ритм на

размеренные удары, сдвинув ноги, чтобы острее чувствовать сладкое проникновение, и из головы вылетели все сложности...

Когда везет – так уж везет, и телефон молчал все утро. Даша блаженно вытянулась под простыней, убогатворенная и спокойная, жадно заглатывая дым, свободной рукой лениво хлопая по ладони Глеба, хозяйски странствовавшей вдоль изгибов и впадин.

– А этот француз к тебе клинья не бил? – ревниво поинтересовался друг жизни.

– Как ни удивительно, особенно и не пытался, – разнеженно протянула Даша. – Так, лапки жал и пылками взорами поливал, но это уж у них в крови, должно быть.

– Не только у них...

– Стоп, – сказала Даша, уворачиваясь. – Тайм-аут, пойду хоть кофея сварю, мне после вчерашнего допинг во всех видах надобен... я твою надену, ладно? Чтобы смотреться насквозь традиционно...

Влезла в его джинсовую рубашку и пошлепала босыми пятками на кухню. Когда вернулась, в комнате работал транзистор. Глеб, прикрыв глаза, сосредоточенно слушал диктора одной из шантарских станций, тараторившего на американский манер:

– ...в нашей студии – председатель шантарского отделения Кадетско-Либеральной партии Анатолий Петрович Мурчик. Господин Мурчик, в последнее время среди политического истеблишмента города ходят разговоры, что ваша партия намерена на предстоящих выборах выступить единым фронтом с прогрессивной партией Свободы?

Послышалось вальяжное покашливание, и хорошо поставленный баритон чуть покровительственно начал:

– Конечно, в программах наших партий имеются довольно значительные девиации основополагающего плана, однако, если мы не хотим допустить дробления электората...

– Ой, да заткни ты его! – умоляюще воскликнула Даша.

– Да это ж такая хохма... – хохотнул Глеб, но ручку повернул. Сквозь треск помех Евгений Осин захныкал про плачущую в автомате девочку.

– Я тут насчет этой девочки чуть переиначенно слышала, – сказала Даша и от веселого настроения прошлась по комнате в чуточку развратном такте, притопывая:

Пляшет бабушка с автоматом,
Злая бабушка на шоссе –
Трех верзил забила прикладом,
Расстрелявши патроны все...

Попыталась изобразить руками нечто индийское, с изящным выворотом ладоней и плавными взмахами кистей, но не получилось. Вздохнула и присела на краешек дивана, сообщив:

– А вообще-то, только что пришло в голову: эта девочка в автомате напоминает некую классику... В самом деле, не врубаешься? «У люб-ви, как у пташ-ки кры-лья...»

– Черт, а точно! Ее никак нельзя поймать... – и, сцапав Дашу за локти, хотел уложить поперек дивана.

Резко зазвонил телефон. Даша высвободилась, в два прыжка достигла стола и сорвала трубку.

– Это ты? – спросил Славка.

– Я самая, – сказала Даша. – А кого ты застать рассчитывал?

– Да понимаешь, номер в первый раз вроде бы накрутил правильно, но мне чей-то бас ответил, что это раздевалка при бане, которая через дорогу...

«Это пока я в темпе ополаскивалась в ванной», – сообразила Даша, оглянувшись на Глеба, зажав микрофон ладонью:

– Раздевалка, говоришь?

Он невинно вытаращил глаза.

– Это я тут взяла на воспитание дефективного ребеночка, – сказала Даша в трубку. – Шутки у него... Слав, там сегодня поутру француз не маячил?

– А то как же! Хотя часы по нему проверяй. Насчет тебя спрашивал, колоритных деталей требовал и все хотел узнать подробнее насчет вчерашнего. Его ж тоже, как свидетеля, бурильщики допрашивали. Он ими очарован. Даже конфетками угощали. Ему-то, говорил, таких страхов про НКВД дома порассказали...

– Вот и наладил бы его к ним – насчет подробностей.

– А я и наладил, – хмыкнул Славка. – Мы все равно к этому делу – никакого касательства... Слушай, тебя с полчаса назад разыскивал приятный баритон. Но не представился. Как только сказали, что тебя сегодня не будет, мяукнул извинение и бросил трубку. Тебе никто не звонил?

– Да нет. Что там слышно?

– Как сказать... Шеф буквально пару минут назад заглядывал. Денежная-то дамочка, которая из кредита... соображаешь?

– Моментально, – сказала Даша. – Что с ней?

– С ней-то ничего. Цветет и пахнет. Она на нас телегу накатала. Не на тебя персонально, а на все городское угро.

– Телега Дрыну пришла?

– Нет, на Черского. Оттуда поутру звонили, выпрашивали. В общем, ничего страшного, ни в кого она конкретно не бьет, хоть и тебя, и меня упоминает. Жалуется, что ее вдруг совершенно необоснованно взяли в разработку. Так и пишет, я цитирую, то есть шефу цитировали... Должно быть, как следует проконсультировали, у них же там служба безопасности солидная. Пространно плачется, что сыскари из городского угро, вместо того, чтобы навесить ей гроздь медалей за помощь в раскрытии серии зверских убийств, начали топтаться за ней по пятам, выпрашивать о ней близких знакомых и «людей ее круга», вторгаться в личную жизнь и служебные тайны...

– Та-ак, – сказала Даша. – А отчего она так твердо уверена, что это именно городское угро, а не общество кролиководов?

– Я так подозреваю, кого-то из задававших вопросы тут же подхватили, повели и вычислили... Или кто-то в лицо узнал – там бывших наших хватает.

– Плачет девочка в автомате... – сказала Даша. – Перспективы?

– Шеф не особенно опечален. Говорит, отбредемся. Хотел тебя предупредить, чтоб знала...

– А больше ничего?

– Нет.

– Тогда – пока...

Она повесила трубку и посвистела, размеренно качая головой.

– Неприятности? – мгновенно насторожился Глеб.

– Ерунда, – сказала Даша. – Казмина, сучка старая, телегу накатала. Оскорбляет ее, видите ли, когда в спину дышат...

– Стой, так она и есть та банкирша, про которую в газетах мимолетно упоминали? Свидетель по второму убийству?

Даша присела рядом с ним и ласково сказала:

– Солнышко, мы ведь давно договорились – если ты на свет божий вынесешь хоть капельку из того, что от меня услышал, я тебя с балкона выкину, как бы мне с тобой ни было кайфово...

– А я что, нарушал когда-нибудь Сухаревскую конвенцию? Интересно просто. Слышал я краем уха про «Шантарский кредит»...

– Конкретно?

– Да говорят, что именно они стоят за «Кроун-инвестом». Та самая фитюлечка с офисом в нанятой квартире, которая откуда-то раздобыла мешок денег, чтобы скупать самые смачные акции, в том числе и Кангарского молибденового.

– Так запретить-то нельзя, – вздохнула Даша, – коли законом разрешено. Вот и скупают. Майор, поди, им и продал, у него тоже было с дюжину «кангарчиков»... Это не ко мне, на то ОБЭП существует. Только и он тут ничего не сделает, если люди добровольно свои акции волокут...

– Вот то-то. А Кангарский молибденовый, между прочим, самый крупный во всей Евразии. И если уплывет к какому-нибудь жителю острова Таити...

– Бог ты мой, а что тут сделаешь без Владимира Вольфовича? – хмыкнула Даша. – Ты, кстати, с ваучером что сделал? Помнишь, была такая бумажонка?

– Пропил. В комок сдал с похмелья и безденежья.

– Вот и я – почти аналогично. Так что – не нам стенать о разграблении России, Глебчик...

В дверь позвонили – два коротких звонка. Даша какой-то миг постояла в нерешительности, потом нырнула рукой под свитер на стуле, вытащила пистолет и направилась к двери, на ходу передергивая затвор.

Прильнула к глазку. На площадке стоял мужчина лет сорока в сером пальто и шапке-формовке. Даша повернула головку замка, не снимая цепочки, держа пистолет так, чтобы его заслоняла от взгляда гостя стена.

Он, сделав плавное движение рукой, поднял на уровень глаз красную книжечку:

– Капитан Краминский, ФСБ. Я вам звонил сегодня на работу, но там сказали, что вас не будет... Созвонились с вашим начальством, и Воловиков рассказал, что вы на больничном. Что-то серьезное?

– Пустяки, – сказала Даша.

«Глубинный бурильщик» окинул цепким взглядом ее фигуру, рубашку с чужого плеча, причем мужскую, в глазах заиграли веселые искорки:

– В самом деле, выглядите вы прекрасно...

Даша, не вынимая из-за косяка руки с пистолетом, сделала книксен по всем правилам.

– Вас не затруднило бы проехать на часок к нам? Если это, конечно, не расстроит каких-то ваших планов...

Действительно, приятный баритон.

– И в чем дело? – настороженно спросила Даша.

– Это по вчерашнему случаю.

– Я же подробный рапорт написала...

Он заглянул в квартиру поверх ее плеча, явно пытаясь определить, кто там может находиться. Понизил голос:

– Ваш рапорт, конечно, подробный и ценный, но неожиданно вскрылись интересные обстоятельства... Шугуров очень просит вас заехать.

Даша колебалась. Не стоило превращаться в пресловутую пуганую ворону, удостоверение определенно настоящее, но вот это-то как раз и прибавляет сложностей – с чего бы вдруг она понадобилась «соседям»?

Должно быть, истолковав колебания по-своему, он слегка улыбнулся:

– Дарья Андреевна, я немного наслышан о ваших неожиданных гостях... Вы вчера писали рапорт в кабинете номер двадцать восемь, на втором этаже. Бумага была белая, и

доставал ее майор Шугуров из темно-синей папки. Я настоящий, серьезно. Или – позвоните Воловикову, он меня знает...

– Да я верю...

– Вот и прекрасно. У меня внизу машина, это займет не больше часа. Или вы так уж заняты?

Как бы поделикатнее ему сказать то, что он и сам прекрасно знает, – что менты стараются не общаться с «соседями» без крайней нужды? Тут не то чтобы отношения кошки с собакой, но история вопроса крайне сложна и запутанна, бывало всякое, да и теперь не пахнет душевным единением, отнюдь...

Он улыбнулся шире:

– Дарья Андреевна, у вас, насколько я помню, по совсем недавнему убийству проходил так и не объявившийся «Вальтер»? Точнее, «Вальтер Е-88».

– Вроде было что-то такое... – ответила она крайне осторожно. С этими обаятельными только разоткровенничайся...

– И вам не интересно будет узнать, что он опять всплыл?

– Что, вчера? – вырвалось у Даши.

Теперь уже он уклончиво улыбнулся:

– Мы бы обо всем смогли поговорить в управлении...

Даша больше не колебалась. Кивнула:

– Подождите минуточку, я мигом...

– Вы не торопитесь, я подожду, сколько нужно... – сговорчиво кивнул капитан.

Даша захлопнула дверь, бегом вернулась в комнату, наспех сунула пистолет в кобуру и сбросила Глебову рубашку. Он уже успел принести кофе и сейчас с удовольствием прихлебывал. Поднял брови:

– Кого убили, кого обокрали?

– Никого, – Даша торопливо одевалась. – В КГБ меня тащат, вот такие пироги...

– Такое впечатление, что ты этому только рада...

– Долго объяснять, – бросила она, впрыгивая в сапожки. – Через часок вернусь, ты сиди, если хочешь...

– Дашка, если тебя через час не будет, я у них под дверями митинг демократической общественности проведу, можешь на меня полагаться. Категорически потребуем твоего освобождения...

Но у нее уже не было ни времени, ни настроения шутить. Отхлебнула глоток кофе из приготовленной для нее чашки, кинулась к двери.

Глава четвертая

Бывают ли призраки пистолетов?

Майор Шугуров, черноволосый крепыш чуть постарше Даши, сегодня определенно маялся жутким недосыпом – под глазами лежали темные круги. Пока Даша выпила полчашки предложенного кофе, сам он прикончил три, и все равно то и дело морщился, потирал веки.

Даша отпила еще глоток, поставила чашку. Помедлила, но все же взяла еще конфету – она и не представляла, что морковь в шоколаде может оказаться столь вкусной. Конфеты эти хоть и производились Шантарской кондитерской фабрикой, в магазинах появлялись редко даже в нынешние рыночные времена. Должно быть, уходили в «белый дом», над которым давно уже гордо реял трехцветный флаг, но сибаритские привычки его обитателей оставались прежними (впрочем, и обитатели по большей части сидели прежние).

– Насколько удалось восстановить ход событий, все выглядело так, – сказал майор Шугуров. – Вошли двое, в камуфляже, с автоматами АКМС. Охранник мгновенно получил прикладом по голове и не успел ничего предпринять. Он умер, кстати, там же еще до того, как они сдались. Перелом основания черепа...

– Машину засекли? – спросила Даша. – Не могли же они шлепать по улицам с автоматами наперевес? Сейчас, конечно, развелось немерено всяческих камуфляжников, но все равно рядом могла оказаться наша машина, военный патруль...

– Резонно... Не нашли мы машину. Никто не обратил внимания. Итак, вырубил охранника... И по чистейшей случайности в дверь, надо полагать, буквально через несколько секунд, вошел сотрудник милиции. Лейтенант Тищенко Юрий Степанович, семидесятого года рождения, служил в отдельном батальоне ГАИ. В тот день был выходной, оружия не имел. Ухаживал за секретаршей гражданина Марзукова, Лемешевой Светланой Борисовной, семьдесят четвертого года рождения. Как полагает она сама, вероятнее всего намеревался пригласить куда-нибудь после окончания рабочего дня. Свидетельских показаний о происшедшем нет, но те, кто находился ближе других к входу, услышали возню, и тут же раздался выстрел. Скорее всего, он моментально просчитал ситуацию, как мне сказали у вас, служил срочную в десанте и приемами рукопашного боя владел прекрасно. Свидетели показали: когда двое террористов ворвались в помещение, один передвигался хромая и свободной рукой держась за живот... И предполагаю так: лейтенант входит и видит двоих с автоматами. Один стоит далеко для броска. Тогда милиционер сшибает того, что оказался ближе, и, видя, что второго не достать, пытается выскочить из здания, чтобы поднять тревогу. В него стреляют из пистолета. Пуля попадает чуть повыше поясицы, с левой стороны. Собравшись с силами, он все же выскакивает... Следует второй выстрел.

– Вот это уже я видела... – сказала Даша. – Он упал буквально через два шага...

– Второй выстрел положил его на месте. Пуля попала в затылок, вышла через глаз. Мы ее нашли потом, она совершенно деформирована – угодила в стену склада. Но вторая, извлеченная из трупа, практически не деформировалась. Девять миллиметров, «Парабеллум», так называемого, «позднего выпуска» – в отличие от «раннего выпуска», где головка пули имеет форму срезанного конуса, в «позднем» она более плавных очертаний. Используется в целом ряде пистолетов – германских, итальянских, чешских, швейцарских. Но, судя по следам нарезки, выпущена была из «Вальтера П-88». Знакомы с этой машинкой?

– Только по картинкам.

– Пятнадцатизарядка, двухрядный магазин... Великолепная игрушка, но я не об этом... Мы в свое время наряду с угрозой и РУОПом получили данные баллистической экс-

пертизы по убийству у «Дома грампластинок». Собственно, часть экспертиз производилась в нашем НТО... Это тот самый «П-88», что использовался у «пластинки». Посмотрите, я уже заложил снимки в стереоскоп. – Он придвинул Даше приборчик из бело-красной пластмассы, изящный, как игрушечка, с красивым клеймом какой-то западной фирмы.

«А у нас похуже», – завистливо подумала Даша, приныкая к окулярам. Почти сразу же выпрямилась, кивнула:

– Аутентик...

– Несомненно.

– Почему они не стреляли вслед из автомата? – удивленно спросила Даша. – Пистолет все-таки, между нами говоря, – оружие идиотов, даже такое шикарное... Надежнее было полоснуть по коридору из трещотки. «Кавказы» – народ горячий, и коли уж в руках трещотка, не стали бы время тратить, еще и пистоль из кармана тянуть...

– И тем не менее факт остается фактом. По лейтенанту стреляли из пистолета. Хотя, как вы совершенно верно подметили, гораздо надежнее было полоснуть из «Калаша». Тем более что Тищенко в момент первого выстрела находился довольно близко от двери. Посмотрите схему. Масштаб, естественно, – метры. Крестик – то место, где обнаружены капли крови, по группе идентичные крови лейтенанта.

– Метрах в трех от двери?

– Да.

– А происхождение этого «Вальтерочка» вы, конечно, выяснили? – спросила Даша. – Что там на нем висит? Есть что-то помимо разборки у «пластинки», или нет?

– Представления не имею... – развел руками Шугуров.

– Как так?

– Пули с такими следами нарезов в Шантарске ранее нигде не всплывали.

– Нет, а сам пистолет? – нетерпеливо спросила Даша. – Я «восемьдесят восьмого» в руках не держала, но, вообще-то, германские стволы не раз видела. Немцы по-прежнему жуткие аккуратисты, номера лепят в нескольких местах...

– Номеров я не видел, поскольку и самого пистолета у нас никто не видел...

– Что, шутка? – спросила Даша.

– Да нет, суровая реальность. Мы их моментально обыскали, когда брали. Два автомата, два запасных рожка, початая пачка сигарет «Мальборо», початая пачка сигарет «Ротманс», две разовых зажигалки. И все. Неужели вы думаете, что в такой ситуации кто-то мог лопухнуться и не заметить на задержанном пистолет длиной девятнадцать сантиметров и весом в девятьсот граммов?

– Да нет, что вы...

– Не было при них пистолета, честное офицерское.

Даша закурила, посмотрела ему в глаза:

– А заложников обыскивали? Студию?

– Студию, разумеется, исползали, как Шерлок Холмс, – с лупой и сантиметром... – но его голос, предельно уставший, все же дал явственный сбой.

Даша тут же ухватила за это:

– Когда исползали? Сразу или потом?

– Потом, – сознался Шугуров. – Уже ночью, часов через пять, когда поступила информация о наличии двух «вальтеровских» пуль. Сначала никому и в голову не пришло, что следует искать пистолет, – поскольку никто и не знал, что он *должен* быть. Поставьте себя на наше место – вы, несомненно, допустили бы тот же самый промах.

– Несомненно, – честно согласилась Даша.

– Сначала-то мы бросили все усилия на коридор. Остальные помещения осмотрели довольно бегло. Ночью прошли уже с чуткой аппаратурой, но... Однако студия-то в интервале меж двумя обысками была опечатана!

– Вот я и спрашиваю – заложников обыскивали?

– Ну кто же обыскивает заложников? – вздохнул Шугуров. – Если среди них нет посторонних, о каждом известно, что он работает на студии и пережил жуткие часы в роли заложника террористов? Цинично говоря, каждый из них мог вытащить под одеждой по три пистолета.

– И кто-то один «Вальтерок» вынес, это непреложно...

– Интересно, а вы в состоянии это доказать? – уныло усмехнулся Шугуров. – Утром мы деликатненько побеседовали с каждым из семи. Деликатненько. Побеседовали, – выделил он голосом последние два слова. – Прокуратура нам в этих условиях санкции на обыск не дала... Но даже если бы и дала, я сомневаюсь, что пистолет всплыл бы.

– Подозреваете, сообщник или сообщница?

– Откровенно говоря, нет, – энергично мотнул головой майор. – Все семеро, как вы догадываетесь, тут же попали под заочный рентген. Никаких зацепок и пересечений – ни с Чечней, ни с чем-либо криминальным. Лично я если и подозреваю что-то, то исключительно вариант «Голубой стали».

– Это как?

– А вы не видели такой штатовский боевик? В магазине происходит перестрелка полицейского с налетчиком, и полицейский теряет пистолет, а один из мирных граждан, лежавших во время пальбы на полу, ствол подбирает и прячет. Никому и в голову не приходит заподозрить кого-то из несчастных покупателей...

– А, помню, – сказала Даша. – Только он ведь потом маньяком оказался?

– Ну, это уже несущественно... Просто кто-то подобрал красивый импортный пистолет... Не мог же он растаять в воздухе? Что-то я не слыхивал о призраках пистолетов.

– А на сторону набережной выбросить не могли? – спросила Даша.

– Там все было плотно оцеплено, они бы видели. Да и потом, какой смысл террористам выбрасывать *один* из стволов? После всего, что и так на них неминуемо повисало? Автоматы ведь не выбрасывали. А остальные двое убиты автоматными очередями. Чарушин Сергей Гаврилович, двадцати восьми лет, телеоператор и Завражнов Михаил Петрович, тридцати одного года, должность обозначена расплывчато – управляющий.

– С этим я говорила, – сказала Даша. – Он у них был чем-то вроде завхоза, коммерческого директора, рекламу собирал... А про автоматы вы что-нибудь выяснили?

– Только то, что они произведены на Урале полтора года назад. Всех данных еще не поступило, но пока среди похищенных из воинских частей не значатся. Сейчас столько стволов исчезает либо с завода, либо при перевозке...

– Хоть какие-то наводки на личность террористов есть?

– Ни малейших, – сказал Шугуров. – Община от них категорически отрекается, агента ничего полезного в клювике не принесла. Более того... – Он словно бы колебался. – Что касаясь обоих террористов, появились определенные неясности. После первых же спешных антропологических исследований мнения экспертов разделились. Одни готовы признать их кавказцами, другие такую версию категорически отменяют.

– А реконструкция по черепам?

Шугуров грустно усмехнулся:

– Во-первых, это быстро не делается, а во-вторых, черепа сейчас собирают из кусочков, как головоломки. Да и остальные кости в таком состоянии, что... Заряд был могучий. Насколько можно установить, не самоделка – серийная военная продукция, вероятнее всего

с дистанционным управлением. Но потом к этому вернемся, а пока – у вас нет ли каких соображений?

– Но я же такими делами никогда не занималась, – сказала Даша чуть растерянно. – А те, кто брал обоих автоматчиков... Они-то что говорят насчет внешнего облика?

– Бритые наголо с омерзительными мордами – вот и все впечатления. Кто мог предвидеть... Вообще-то, чеченец – это необязательно горбоносый субъект. Вы Усмана Имаева по телевизору видели? Носик у него скорее горбачевский, право слово.

– А может, Меченый и был замаскированным чеченцем? – ухмыльнулась Даша.

Он не принял шутки, смотрел устало и серьезно:

– Словом, по многим позициям полная неопределенность. Что до текста заявления – эксперты категорически заявляют, что оно написано человеком, для которого русский язык родной. И напечатано на машинке вполне грамотно.

– Ну, это ж еще ничего не доказывает, – сказала Даша. – В конце-то концов, эта сучня, Ковалев с Новодворской – без капли кавказской крови...

– Дарья Андреевна, такой лексикон... – усмехнулся Шугуров. – Вы не за Жириновского ли голосуете?

– А пошли они... – сказала Даша твердо. – У меня в Чечне погибли трое знакомых, отличные были ребята. Или вы настолько уж повернулись на сто восемьдесят градусов, что эту быдлу, которую раньше в психушки запикивали, теперь медалями будете награждать?

– Ох, давайте останемся вне политики, как нам властями и предписано...

– Я просто хотела уточнить, что, по моему непрофессиональному мнению, ничего нет удивительного в том, что обращение составлено или написано братом-славянином...

– Спасибо, я так и понял. Я и сам того же мнения... Дарья Андреевна, вы же занимались телестудией, как мне известно. Не может у вас оказаться каких-то наработок, ускользнувших от нашего экспресс-расследования?

Даша недвусмысленно пожала плечами:

– Собственно говоря, нельзя сказать, что я ими в полном смысле этого слова «занималась». Я же вела три убийства – сексуального маньяка. Вот и пришлось наводить на студии справки. Вдобавок один из тамошних работников оказался замешан в сатанистские забавы...

– Понятно. И все же, есть у вас какая-то точка зрения?

«Неужели вы без меня, грешной, разобраться не можете?» – так и подмывало Дашу ляпнуть, но она, разумеется, промолчала. До сих пор решительно не понимала, зачем эти вежливые наследники Комитета Глубинного Бурения ее сюда притащили и довольно щедро делятся тайнами следствия, пичкая к тому же дефицитными сладостями. Прежде за ними не водилось обычая держать душу нараспашку перед рядовым, будем самокритичны, ментом. Не могут же они всерьез верить, будто Даша нащупала нечто такое, что от них ускользнуло? Конечно, нынче им далеко до прежнего всепроникающего *веданья*, но только сырый интеллигент в нечесаной бороде поверил бы, что устроенный Даше прием – плод демократических реформ. Контрразведка есть контрразведка. Волчище никогда не научится лизать клубничное варенье. В чем же тут игра?

– Моя точка зрения... – задумчиво сказала она. – Идиотство какое-то. Выгода ничтожнейшая – где-то во глубине сибирских руд прочирикали по телевидению их манифест... Басаев хотя бы перед камерами позировал и речи толкал, а эти ни разу не заикнулись о журналистах...

– Ну, я не стал бы отзываться так уничижительно... Вы «Время» утром не смотрели? Резонанс мощный. Да и в Шантарске у ваших служб теперь полные руки работы – черных все еще поколачивают.

– Я же говорю – какой из меня специалист? – сказала она. – Но все равно, мне эта затея представляется довольно даже идиотской.

– А может быть, загадочной?

– Вы про пистолет?

– И про пистолет. И про взрыв. Мне кажется, не нужно быть специалистом по терроризму и взрывчатке, чтобы понять, хотя мысль эта для всех нас весьма неприглядна и угнетающая, но только *свой* мог включить дистанционное управление.

– А оно было?

– Было, было. В фургончике, где сидели радиоэлектроники, аппаратура зафиксировала характерный сигнал. Есть пленка, специалисты высказываются однозначно. Внутри оцепления были только свои. Ваш спецназ, наш, армейский, оперативники всех ведомств. Француз ваш, кстати, находился уже за второй линией и был все это время на глазах...

– А вы уверены, что из квартир вывели абсолютно всех?

– Не уверен. Мог остаться кто-то и кроме тех, что оказались блокированы в подъезде рядом с телестудией и над ней. И мог, теоретически рассуждая, подать радиосигнал на подрыв. Но, Дарья Андреевна! – он поднял палец. – Заложить мину под автозак мог исключительно свой. Вряд ли машина прибыла уже заминированной. Их там было четыре, «магнитку» просто обязаны были приклепить под кузов в последний момент, когда решили однозначно, которую именно машину выдвинуть к двери студии... Вашу машину, кстати, из казарм внутренних войск, что на Лобачевского.

Даша мгновенно ошетинилась, инстинктивно, как кошка при появлении собаки:

– Вы же сами только что сказали, что заминированной она приехать не могла...

– Я просто уточнил, чья была машина... Как ни грустно, однако прилепить «магнитку», не привлекая ничьего внимания, оказалось просто. Вы же понимаете – внутри кольца только свои, никто и не подозревает о таком повороте, никто не обратит внимания на человека, вдруг зачем-то заглянувшего под кузов. Девять десятых из тех, кто там присутствовал, были в глухих капюшонах, у одних групп имелось снаряжение, в жизни не виданное другими, и наоборот. Сейчас идет интенсивнейший опрос – вас, кстати, когда выйдете с больничного, тоже непременно обяжут рапортом, но я на него не возлагаю ни малейших надежд. Все заслонила нетипичная для Шантарска ситуация, если хотите, магическое слово – «чеченские террористы».

– А что там со звонком насчет хлора?

Шугуров досадливо поморщился:

– Это-то как раз неинтересно. Есть такой шизофреник. Раз десять звонил за последние два года. Посидит на Королева, какое-то время ведет себя паинькой, а потом опять начинает фокусничать. Воображает себя террористом Карлосом, и ничего с ним не поделать, потому что в промежутках меж приступами обивает пороги всех местных правозащитников и уверяет, что был жертвой КГБ, те и рады стараться, никак не дают его в Тинскую отправить, в стационар на годик... Должно быть, услышал про террористов, вот и разыграла солидарность с «коллегами»... Никаких неясностей. – Он помолчал и вдруг предложил: – Хотите посмотреть компьютерную модель налета?

– Хочу, – согласилась Даша из чистого любопытства.

– Садитесь туда. – Шугуров включил стоявший в углу на столике компьютер.

На экране появилось нечто напоминающее желтый лабиринт, довольно примитивный (план студии, сообразила Даша). Кое-где по нему были рассыпаны синие точки. Потом у входа появились две красных.

– Красные – это террористы, – пояснял Шугуров, одной рукой передвигая чуть-чуть белую «мышь», другой изредка касаясь клавишей. – Синие – персонал. Они входят... почти сразу же за ними появляется Тищенко... (вспыхнул, замигал алый, зигзагообразный замкну-

тый контакт вроде взрыва, каким он порой бывает в мультфильме) выстрелы по Тищенко... Кончились предположения. Дальше все реконструировано по показаниям оставшихся в живых заложников. Они пробегают по комнатам, сбивая людей в кучу... стреляют в Чарушина... гонят людей дальше... Завражного убили прямо в его кабинете, распахнули дверь и полоснули очередь, так мозги на стенке, картина неаппетитная... появляются в павильоне, откуда идет передача... Дальше, если можно так выразиться, будни – заложники согнаны в комнату, идут разнообразные перемещения террористов, это уже и неинтересно, должно быть...

– Да, пожалуй, – сказала Даша. – Сопротивления им там никакого не оказывали?

– Что вы, кто полезет на автоматы? – Он выключил компьютер, встал, прошелся по комнате. – Дарья Андреевна, хотите получить копии показаний заложников? Мы все равно по решению штаба кризисных ситуаций должны обменяться информацией со всеми службами, вот вы и передадите... Ну, и сами заодно изучите. – Он полез в стол и вытащил огромный, пухлый конверт, заранее заготовленный, незапечатанный. – Разве что от прессы подальше держите, ну да что вас учить... У вас положить не во что? Вот, возьмите папочку.

«Да что с ними такое стряслось? – ломала голову Даша, принимая от него желтую пластиковую папочку. – Не хватает разве что шампанского, цветов и оркестра. Да красной ковровой дорожки под ноги дорогой госте...»

– Все, наверное? Я сейчас вызову машину, вас отвезут домой.

– А не домой – отвезут? – спросила Даша, снимая пуховик с вешалки.

– Бога ради. Вы куда хотите?

– К «Алмазу», – сказала Даша.

... Смешно, но она взялась за ручку двери не без секундного внутреннего сопротивления – словно навстречу должен был высунуться автоматный ствол.

Длинный коридор, пол выложен коричневым линолеумом, стены и потолок – белые. В самом конце – единственная дверь. Похоже, внутри все переделали, здесь же был вход в магазин, не могло тут тогда оказаться такого коридора...

Тишина, в коридоре как-то *удручающе* пусто. Даша повернулась лицом к входной двери, попробовала прикинуть расстояние. Справа – длинный ряд картонных ящиков с красной иностранной маркировкой.

Даша качнула ладонью ближайший, но он не поддался, оказался тяжелым.

Так, отсюда они и палили лейтенанту в спину. Из автомата и в самом деле не в пример надежнее... черт, ну не боялись же они зацепить очередь из трещотки ящики, испещренные вполне понятным словом «Elektronical»?

За спиной хлопнула дверь, и сразу же рывкнули:

– Эй, что нужно?

Даша обернулась. На нее надвигался верзила в камуфляже с нагрудной нашивкой «ОХРАНА», поигрывая импортной дубинкой с поперечной ручкой.

Даша махнула у него перед лицом удостоверением:

– Уголовный розыск. Капитан Шевчук.

– Дай-ка, – подозрительно проворчал он и вытянул руку вперед.

– *Дайте*, – поправила Даша внятно.

– Дайте...

– А читать умеешь?

Он пробежал взглядом, кивнул:

– Вы-то что тут?

– Работа такая, – сказала Даша. – Кто на студии?

– Да почти что и никого. Какая тут работа... Завтра начать собираются.

Из внутренней двери вышли еще двое, но уже не камуфляжники. Равнодушно протопали мимо Даши, прикрывая, сняли верхний ящик и потащили внутрь.

Даша хорошенько оглядела пол – там четко виднелись пыльные квадраты, совсем недавно ящиков было гораздо больше.

– Что там? – спросила Даша, кивнув на штабель.

– Аппаратура какая-то новая. Монтируют вот... Вам шефа позвать? Он там, главный...

– Успеется, – сказала Даша. – Тебя вчера не было?

– Да бог миловал, а то, глядишь, мочканули бы вместо Влада. Его была смена.

Хлопнула дверь, и показался господин Марзуков собственной персоной. На сей раз он, хоть и в знакомой уже Даше элегантной «троечке», выглядел растрепанным и снаружи, и внутри. Губы так и прыгали.

– Вам что здесь?

– Здравствуйте, – мирно сказала Даша. – Зашла вот поговорить...

– О чем? Это не ваше дело, меня и так дергали чуть ли не сутки подряд... – Даше вдруг показалось, что он вот-вот заплачет. – Хватит с меня гэбешников... Сначала Ольга, теперь черномазые...

– Я понимаю...

– Да что вы понимаете!

– Что за аппаратура? – спросила Даша, кивая на ящики.

– Новая! Студийная! Хотите, я вам расскажу про параметры, килогерцы и частотные характеристики?

Даше стало окончательно ясно, что не получится и намек на разговор. Она стала подыскивать вежливую фразу для прощания.

– Повестку присылайте, если опять приспичило! – разбушевался Марзуков. – Ментов с дубинками! Еще вас тут не хватало! Давно не нарывались?

Грех было связываться с человеком в таком состоянии. Даша молча кивнула и бочком-бочком выскользнула за дверь.

...Глеба в квартире не оказалось. Одна записка, подсунутая под телефон: «Рыжая, выдул весь кофе, истомился и понял, что долг у тебя опять возобладал. Позвони, как вернешься».

Она хотела снять трубку, но передумала, уселась на диван и минут сорок читала протоколы допросов, откуда ничего интересного не почерпнула – так, лирические дополнения к увиденному на экране компьютера. И натуралистические, сухие подробности о мозгах на стенке.

Вздохнув, сняла трубку.

– Раскололи! – жизнерадостно заорал Глеб, едва услышал ее голос. – Как сухое полено!

– Кого? Чего?

– Лягушатника. Двадцать минут, как дозвонился я до города Парижа. Ну, есть у меня нюх? У кого он лучше, у ментов или у газетиров, это еще большой вопрос...

– Короче, – сказала Даша с любопытством.

– Короче, в издательстве «Ле ливр де пош» мне попался крайне обходительный и обаятельный, судя по голосу, мужик. Они ничуть не прочь, если бизнесмен рюсс напечатает их авторов – господ Летерье и Ампелена. Если, конечно, сойдемся в цене...

– Еще короче.

– Нету у них Роже Флиссака. Никто в издательстве не слышал о Роже Флиссаке. В жизни они не издавали Роже Флиссака. И «Двойной прыжок через бездну» и «Милая налетчица» выходили исключительно под этими заглавиями, под именами господ Летерье и Ампелена. Которые есть никакие не псевдонимы, а конкретные люди. Летерье, правда, издавал однажды книжку под псевдонимом, но – одну-единственную, да и псевдоним был – Жорж

Солиюд... Вполне деловой и конкретный разговор получился, даже жалко было загонять косяка такому открытому и готовому к сотрудничеству мужику... Так-то, Рыжая. С тебя – безумная ночь, учти...

Глава пятая

Мне придется отползать...

– В чем дело? – спросила Даша тихонько, пока секретарша генерала ходила в кабинет.
– Да понятия не имею, – также тихо ответил Воловиков. – Велел взять тебя и срочно предстать. Кажется, суров. Ты там ничего такого... а?

– Да ничего, – сказала Даша.

Секретарши всегда все знают – и Даше стало неуютно, когда Парамонова, прежде чем кивнуть на обитую кожей дверь, окинула обоих кисло-загадочным взглядом, поджала губы, вроде бы даже хотела фыркнуть, но передумала и, демонстративно отводя глаза, прошествовала к своему столу – невероятно правильная и морально непорочная дама пятидесяти лет, святее Папы Римского. Главный фонтан сплетен, циркулирующих среди женской части управления. Попахивало керосинчиком...

Генерал Дронов на вид был вовсе не суров. Он выбрался из-за стола, грузноватый, с уверенным и сильным лицом, сделал несколько шагов навстречу, раскинув руки:

– Какие люди! Гости дорогие! Прошу! Располагайтесь на стульчиках, придвигайте пепельничку и невозбранно травите никотином атмосферочку! Дашенька, у тебя сегодня чудесный цвет лица, а это платье невероятно тебе идет. Не из Парижа привезла? Нет? Смотри, как у нас наловчились шить... Ну что же вы стоите, борзые мои ищечки? Мы не армия, навтыжку необязательно, генерал приглашает вести себя непринужденненько...

Они уселись так осторожно, словно стулья были хрустальные, замерли, не решаясь переглянуться. «Совсем скверно», – подумала Даша, прекрасно врубившись, что Дронов (неформальная кличка – Дрын) с ними играет, не особенно и маскируясь, и мина вот-вот рванет.

Дронов тоже уселся во главе стола, постучал пальцами по газете. Под газетой что-то лежало, плосковатое, чересчур толстое для конверта с жалобой.

– Выздоровела, Дашенька? – спросил генерал медоточиво. – Все в порядке?

Даша осторожно кивнула.

– Нервишки не шалят, волноваться и переживать не противопоказано?

– Все нормально.

– Как жизнь? Замуж не собираешься?

– Не тянет что-то. – Она для разведки попробовала легонько улыбнуться.

– А что так? Некогда или подходящего мужика нет на примете?

Она ответила универсальным жестом – пожатием плеч. Генерал набычился. Похоже, ему надоело играть и бездарно ломаться.

– Проверим-ка ваше чутье, господа сыскари, – сказал он почти дружелюбным тоном. – Как по-вашему, зачем я вас вызвал?

Даша вторично прозондировала почву мимолетной улыбкой:

– Сообщить пренеприятнейшее известие?

– Теплее. А какое?

– Пожаловался кто-то, – сказала она уже увереннее. – Снова Казмина?

– Холодно.

– Кто тогда? Марзуков?

– Ты анекдот про Суворова знаешь? Сказал он однажды одному трепливому офицеру, что жизнь тому осложняет один-единственный лютый недруг. Тот, дурачок, стал взхлеб разные фамилии называть, в точности, как ты сейчас, а Суворов ему говорит: «Враг твой – язык твой, милай...» Ну, в точности о тебе, звезда моя. Жалоб на тебя не было. Про-

сто-напросто какой-то доброжелатель прислал анонимку. Анонимки же всегда доброжелатели шлют...

– И в чем там меня обвиняют?

– Да ни в чем. Доброжелатель ведь. Все, что нужно, ты себя сама оборудовала. – Он сбросил газету, прикрывавшую, оказалось, большой нестандартный конверт из серой бумаги, запустил туда пальцы и вытащил цветную фотографию. Щелчком отправил ее через стол Даше. – Эту погляди для начала, у меня еще много, самых разных...

Даша осторожно взяла снимок. Воловиков придвинулся, тоже заглянул. На фоне пестрых книжных полок в раскованной позе стояла рыжеволосая девица, имевшая на себе из одежды лишь распахнутый милицкий китель. Какое-то тягостное мгновение до Даши не доходило, потом вдруг, рывком, осознала.

И узнала свою собственную персону – с хмельной, невыносимо глупой улыбкой от уха до уха, растрепавшимися волосами. Даже если бы специально позировала, столь вульгарной и откровенной позы могло и не получиться.

Рядом громко крикнул Воловиков. Даше казалось, что у нее тлеют и дымятся кончики ушей, и не щеки пылают, а все тело. Она застыла в неловкой позе, не зная, что предпринять – то ли положить снимок, то ли...

– Нравится? – безжалостно спросил Дронов. – Я ж говорю, у меня всякое есть. Хочешь полюбоваться, проказница-озорница? Ну, ты у нас раскомплексованная...

Вспомнив, что последовало вскоре после того, как ее в этой позе запечатлел неведомый фотограф, Даша зажмурилась от стыда и несусветного позора.

– На меня смотри! – последовал генеральский рык.

Она кое-как разлепила веки. Генерал медленно багровел лицом. Даша чувствовала, как застывший рядом Воловиков затаил дыхание.

Дронов заговорил. Он изъяснялся недолго, но энергично и цветисто. В салонном переводе на литературный русский это звучало бы примерно так: «Если вам, ветреная девушка, жизненно необходимо общаться накоротке с представителями противоположного пола и предаваться эротическим экспериментам, следует по крайней мере проявлять разумную осторожность в выборе места встречи, освещенности и костюма». Такой жалкой и униженной Даша себя еще не чувствовала – ни в этом кабинете, ни вообще в жизни. Лицо горело.

Генерал выдохся быстро – он, вообще-то, был не из записных матерщинников. Но под его взглядом, красноречивым и яростным, было невыносимо.

Рядом раздался оглушительный кашель и растерянное ругательство – это Воловиков в волнении сунул сигарету в рот не тем концом, прикурил фильтр и ухитрился разок затянуться полной грудью. Стал неловко гасить в пепельнице чадящий горелой синтетикой «Опал».

– Циркач! – рявкнул Дронов. – Ты кого тут дураком считаешь? Отвлекающий маневр он мне лепит! Забыл, что я тебе про этот фокус и рассказывал? Вспоминая личный опыт? Затужи живо! И дай Дашке сигарету в зубы, у нее руки трясутся. Ну что, Дарья, мякни чего-нибудь, мне интересно послушать...

Она затянулась подсунутой сигаретой – пальцы и в самом деле подрагивали, – опустила глаза:

– В конце концов, мне не семьдесят лет, и нога у меня не деревянная. Чего уж там, иногда сплю с мужиками, бывает и при свете. Настроение было хорошее, дела шли удачно, подурчиться хотелось...

– Да уж... Тысячи баб спят с мужиками при свете, только вот их не подловили, а тебя подловили.

– Но ведь шторы были задернуты...

– Зато у тебя... многоточие... было отдернуто, как ворота в Кремле... Ты что, на уса-
чевских шлюх насмотрелась?

– Получается, что-то вроде того... – с вымученной улыбкой сказала Даша.

– Экспериментаторша, мать твою... Давай сюда! – генерал, яростно сопя, забрал у нее
фотографию и сунул в конверт. – Ты реветь не собираешься? Вот и слава богу... Я бы тебя
еще разок оттащал на матах, пылкая ты наша, только это все без толку. Не до эмоций. Нужно
думать, как из этого говна выкарабкаться с наименьшими потерями.

– Откуда это взялось? – тихо спросил Воловиков.

– Пацан принес дежурному. В запечатанном конверте. Сказал в окошечко, что это лич-
ный пакет генералу Дронову, бросил на пол – и был таков. Ты уж прости, Дашенька, я все
это непотребство покажу Палычу, пусть оценит соколиным взором... Водички дать?

– Не надо, – с сухими глазами сказала Даша.

Воловиков, отворачиваясь от нее, старательно шуршал фотографиями. Генерал звонко
барабанил костяшками пальцев по столу.

– Ты в своем хахале уверена? – спросил он мрачно. – Не могли тебе его подставить?

– Нет, – сказала Даша. – Времени было достаточно, прокачала...

– Вряд ли это он, – не оборачиваясь, бросил Воловиков. – С высокой степенью веро-
ятности не он. Будь это он, хватило бы смекалки расположить аппаратуру выгоднее. Поста-
рался бы не заслонять объектив, а Дарью мягко и ненавязчиво располагать так, чтобы чаще
попадала в фокус. Больше половины снимков совершенно испорчены – лиц не видно, засло-
няют друг друга... Вы обратили внимание – все снимки сделаны с одной и той же точки.
Аппарат был закреплен жестко.

– Обратили мое внимание, – сварливо сказал Дронов. – Я, когда отплевался и первично
прокачал ситуацию, вызвал Пашу Тимонина, он мне говорил примерно то же самое. Ну-ка,
Дарья, скажи веское слово – куда могли засадить аппарат? Ты эту комнату лучше знаешь...

– Снимали со стороны окна, – сказала Даша, не поднимая глаз. – Объектив направлен
словно бы сверху вниз...

– Широкоугольный объектив, обеспечивающий максимум захвата, – дополнил Дронов,
заглянув в бумажку. – Размеры несомненно миниатюрны... устроен по принципу «рыбий
глаз»... высокая разрешающая способность... предположительно спецтехника... характе-
ристики фотобумаги... Половину снимков, конечно, можно выкинуть, но остается вполне
достаточно. Может, есть и еще. А тут ты вообще как на сцене... Да ладно тебе, глазоньки-то
подними покаянные... Будет просто прекрасно, если все ограничится этим конвертиком. А
если нет? Следующие ходы хорошо представляете? Соображаете, что начнется, если еще
одна подборка пойдет на Черского? В прокуратуру? Дискредитация офицерского звания,
стриптиз в мундире, да еще с посторонним элементом... А представьте, если наша «Секс-
миссия» с самым невинным видом опубликует этот вот снимочек, пусть даже без упоми-
нания анкетных данных? «Прекрасная морячка» у них уже была, подпишут: «Прекрасная
гаишница»... Как нам в этом случае подстраховаться – установить в редакции пост, чтобы
проверял всю поступающую почту? Ты хоть понимаешь, что подставилась, как я не знаю
кто? Что тебя будут жрать, а ты и пискнуть не посмеешь?

– Понимаю, – сказала Даша.

– Понимаю... – передразнил генерал плаксивым тоном. – Отстаивать я тебя буду, пусть
даже нам и в самом деле посадят на шею прокуратуру в связке с инспекцией по кадрам...
именно так, давайте сразу предполагать самое худшее, здесь баловством не пахнет. Нужно
постараться, чтобы не дошло до суда офицерской чести, нужно послать Пашу осмотреться
на месте, а твой хахаль должен при нужде бить себя в грудь и кричать, что вы завтра подаете
заявление в ЗАГС, и эти забавы – игры почти что уже семейные... А это идея! – он ожи-
вился. – Заявление сегодня же подадите, успеете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.